

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Луна — суровая госпожа

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Луна – суровая госпожа

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайнлайн Р. Э.

Луна – суровая госпожа / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1966 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-14338-8

Все знают Луну как космическую тюрьму; многие десятилетия сюда ссылали с Земли уголовников и диссидентов. Теперь это сырьевой придаток метрополии, обеспечивающий бесценным зерном Индию, и Великий Китай, и Северо-Американский Директорат. Но однажды Лунная администрация перегнула палку – и лунари взбунтовались. Что могут они противопоставить бывшей родине? Например, суперкомпьютер, обладающий не только непревзойденной вычислительной мощностью, но также душой и чувством юмора...

Классический роман – лауреат множества премий, библия космических революционеров – публикуется в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14338-8

© Хайнлайн Р. Э., 1966

© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Рождение нации	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Роберт Хайнлайн

Луна – суровая госпожа

Посвящается Пити и Джейн Сенсенбау

Robert A. Heinlein
THE MOON IS A HARSH MISTRESS
Copyright © 1966 by Robert A. Heinlein

© В. Ковалевский, Н. Штуцер (наследники), перевод, 2017
© С. В. Голд, предисловие, примечания, 2017
© Е. Доброхотова-Майкова, примечания, 2017
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

РОБЕРТ ЭНСОН ХАЙНЛАЙН

(1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом в 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Именно Хайнлайн научил меня оспаривать общепринятую версию чего бы то ни было.

Сэмюэл Дилэни

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Нем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Рождение нации

Историческая справка

Когда в 1978 году Лесли Лекруа посадил свой «Пионер» к западу от кратера Архимед, он не думал, что «совершает большой шаг для всего человечества» – он радостно скакал как блоха вокруг своего кораблика, поднимая в воздух вековую пыль, собирал камешки и думал о том, как тут *здорово*. Делос Дэвид Гарриман, профинансировавший первую экспедицию на Луну, был настроен не менее романтично, но при этом обладал куда большим прагматизмом. Благодаря этому полет Лекруа не остался очередным спортивным достижением, а действительно стал шагом, который имел большие последствия для всего человечества. Вторая лунная экспедиция оставила в Море Кризисов домик из гофрированного алюминия, присыпанный лунной пылью. «Мейфлауэр» выгрузил запасы кислорода, воды и пищи, высадил четырех колонистов и улетел. Так был заложен Луна-Сити.¹ Он недолго оставался единственным лунным поселением, в середине восьмидесятых к нему присоединились Новый Ленинград и Гонконг-Лунный.

Строительство лунных баз было политической ловушкой, но в тот момент никто не посчитался с этим соображением, а затем было поздно давать задний ход. Проблема состояла в том, что все три сверхдержавы согласились признать за Луной статус демилитаризированной территории под протекторатом ООН, а значит, ни одно из этих поселений нельзя было использовать в качестве военной базы или даже просто в военных целях. Таким образом, прикладное значение лунных колоний было куда скромнее, чем у антарктических станций, а поддержание стоило на порядки дороже. Их единственная ценность заключалась в самом их существовании. Обладание лунной колонией было вопросом политического престижа, а ее эвакуация означала потерю лица, но при этом развитие поселений шло мучительно медленно.

Одной из причин этого была концепция единой купольной гермозоны – колонии со временем вырастали из старых оболочек и, словно раки-отшельники, вынуждены были искать новую раковину. Каждое расширение территории требовало строительства нового купола, что было сравнимо по затратам с основанием новой колонии. По счастью, существовал другой путь, и из-под лунных куполов вглубь планеты протянулись туннели. Экспериментальные лунные шахты, прорытые с изыскательскими целями в непосредственной близости от поселений, достаточно просто подключались к городской системе жизнеобеспечения, их освоение обходилось куда дешевле строительства новых куполов, а когда на дне одной из шахт нашли ископаемый лед, это окончательно решило вопрос. С первых дней освоения Луны земляне искали на своем спутнике хоть что-то, что оправдало бы содержание колоний. Алмазы не смогли решить эту проблему, их добыча в промышленных масштабах обрушила бы земной рынок и обесценила товар. Урановая руда могла бы окупить добычу и транспортировку, ее потребность на Земле неуклонно росла, но вместо урана шахтеры нашли на Луне лед. Лед, который можно превратить в воду. Вода, из которой можно добыть кислород для дыхания. Вода, которую использовали термоядерные реакторы. До девяностых годов основную массу импортируемых на Луну грузов составляли именно воздух и вода (продукты питания к тому времени колонисты успешно выращивали на гидропонных плантациях). Ископаемый лед резко удешевил содержание колоний, и большая часть обитателей Луны стала шахтерами. Они вгрызались в лунные породы, оставляя за собой длинные туннели – будущие улицы подземных городов. Жители Луны все больше привыкали видеть над головой низкие своды коридоров, а не звездный купол открытого пространства и неподвижно повисший над восточным горизонтом бледно-голубой шарик Земли. А на Земле между тем сгущались тучи.

¹ О первых лунных экспедициях см. повесть «Человек, который продал Луну».

Вторая половина XX века земной истории была наполнена масштабными политическими и военными катаклизмами. Мелкие государства в предвидении конфликта между тремя сверхдержавами старались консолидироваться в экономическом и военном отношении. Поскольку на этот раз речь шла не о поиске общих гуманитарных ценностей или либерализации товарооборота, но о физическом выживании, проблемы решались очень оперативно. Государства, которым в грядущей войне отводилась роль площадей, где большие игроки станут обмениваться ударами, либо консолидировались, либо оказались поглощены крупными военно-политическими образованиями. Поэтому к началу конфликта на игровом поле остались не три ключевых фигуры и множество пренебрежимо мелких комбатантов, союзников и нейтралов, а целых пять независимых и сравнимых по силе участников. Прежние стратегические наработки в этих условиях потеряли всякий смысл, более того, сами стратегические вооружения оказались вопиюще неэффективными. Третью мировую войну не зря называли «Войной мокрых шутих» – все представления о стратегическом превосходстве высокотехнологичного оружия обернулись иллюзией, и все военные планы, построенные на применении межконтинентальных баллистических ракет, – пшиком. Эффективные системы современных ПВО практически полностью устранили атомную угрозу, и вся стратегическая военная мощь великих держав отправилась на дно Атлантического и Тихого океанов. И когда пусковые шахты исторгли последнюю ракету, все решил банальный перевес в живой силе и обычных вооружениях – танках, артиллерии и пулеметах. Нетрудно догадаться, кто оказался в выигрыше. Многомиллионная китайская Народно-освободительная армия живой волной прошла через весь континент на север – через Монголию и Сибирь до самого Ледовитого океана, одновременно вторая волна, поглотив мелкие государства Юго-Восточной Азии, хлынула на берега Австралии. Даже объединенное вмешательство Северной Америки и Бразильского Союза не смогло бы предотвратить полную ассимиляцию Австралии и Новой Зеландии – войска остановились на пустошах у Элис-Спрингс просто потому, что Великий Китай исчерпал ресурсы, которые мог направить на удержание и освоение захваченных территорий.

Бразильский Союз вышел из Третьей мировой войны практически без потерь и теперь представлял собой заметную угрозу потрепанному Соединенным Штатам. Объединение с Канадой в Североамериканский Директорат позволило американцам добиться относительного равновесия сил в новых условиях, когда водородные бомбы перестали служить сдерживающим фактором.

Миттельевропа, объединившаяся вокруг Германии, сумела выстоять и сохранить изначальные границы в тот момент, когда Советский Союз поглощал своих ближайших восточно-европейских соседей.

Южную Азию целиком подмяла под себя Социалистическая Республика Индия, вступившая в союз с Великим Китаем. Пожалуй, только эти две страны и можно было считать «победителями», тем не менее во главе новой структуры, пришедшей на смену ООН, встали семь крупнейших государств: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Советский Союз, Пан-Африка, Миттельевропа и Бразильский Союз. Маргиналы, наподобие Англии или стран Бенилюкса, потеряли политический вес в Федерации Наций.

Для обуздания геополитических appetites мелких государств Федерация со временем создала международные полицейские силы – Миротворческие войска. А страны-участники, едва залечив полученные раны, тут же ударились в новую гонку вооружений. В третьем тысячелетии упор делался на воздушно-космические войска, особенно на десант и средства подавления ПВО. Вливание бюджетных денег в пилотируемую космонавтику превратило космические полеты в Приземелье в обыденность, на место разовым экспедициям, которые готовились годами, пришли регулярные чартерные рейсы. Орбитальные станции превратились из конечных в перевалочные пункты, а лунные колонии, основанные ведущими державами, после удешевления полетов наконец-то получили новый стимул развития. Первые купольные поселения

существовали только за счет привозных земных ресурсов, но открытие ископаемого лунного льда резко изменило картину. Колонии смогли перейти на замкнутый водно-воздушный цикл, восполняя потери местными ресурсами. Пустоты, оставшиеся после выработки месторождений, включались в гермозоны поселений, правда, большая часть туннелей оставалась бесхозной. Это длилось недолго – переход от гидропонных плантаций хлореллы к высадке злаков в открытый грунт ознаменовал аграрную революцию на Луне. Идеальные погодные условия, стерильность, отсутствие вредителей и низкая гравитация превратили лунные коридоры в высокоэффективную машину по производству продуктов питания.

Лунные плантации так и остались бы еще одним фактором перехода лунных поселений на самообеспечение, если бы все национальные лунные поселения не перешли под юрисдикцию Федерации, создавшей для этого особую межнациональную Лунную администрацию. Формально новая «Лунная компания» была преемницей компании Гарримана, занимавшейся в прошлом веке освоением Луны под эгидой ООН. Но если Гарриман стремился построить плацдарм для дальнейшего завоевания Солнечной системы, то у нынешней компании интересы были весьма приземленные: Луна должна приносить прибыль, то есть экспортировать продукцию собственного производства. К этому моменту на Луне, бедной естественными ресурсами, производился единственный продукт, который был востребован на Земле, – пища.

Федерация на Земле сталкивалась с множеством проблем, в числе которых был голод, перманентно царивший в Южной и Юго-Восточной Азии. На военные потери человечество, как обычно, ответило всплеском рождаемости, отчего проблема перестала быть сугубо азиатской или африканской и приобрела общемировой масштаб. Урожаи лунных шахт, на порядок превысившие отдачу лучших земных ферм в местах с самым благоприятным климатом, в представлении чиновников могли решить продовольственную проблему, нужно было только масштабировать полученный опыт – в тысячи раз увеличить посевные площади. Для этого предстояло решить вопрос материальных, энергетических и человеческих ресурсов.

Без развитой термоядерной энергетики затея была бы обречена на провал – лунное туннельное производство чрезвычайно энергоемкое, ему требуется искусственное освещение, немало энергии уходит и на добычу воды и создание посевных площадей. Еще один потребитель энергии – электромагнитная катапульта, стокилометровый соленоид, выстреливающий на Землю стотонные баржи с зерном.

Что касается кадровой проблемы, то Луна оказалась чрезвычайно удобным местом в пенитенциарном смысле, а на Земле после радикальной перекройки политических карт образовалось изрядное количество недовольных. Основной вклад в заселение Луны каторжанами внес Великий Китай, которому требовалось этнически зачистить Сибирь, Японию и Юго-Восточную Азию. Поэтому значительный процент лунарей составили русские и малайзийцы, а китайскую диаспору практически полностью сформировали из классово чуждых комиссарам гонконгских предпринимателей. В Пан-Африке, естественно, нашлись целые племена, которые не нравились соседям, а на территории Бразильского Союза испокон веков жили не самые законопослушные и чрезвычайно независимые люди.

Первые каторжане, прибывшие на Луну в начале века, прошли чудовищный отсев. Это был отсев на интеллект, техническую грамотность и внимание к мелочам. А потом пошел отсев на умение сосуществовать с другими людьми. Если считать одними из признаков болезни цивилизации бытовое хамство и пренебрежительное отношение к женщинам, то Луна вскоре превратилась в четко очерченный ареал чрезвычайно здоровой культуры. По-видимому, столь уникальное положение вещей сложилось потому, что представители организованного преступного мира составляли среди каторжан слишком маленький процент и не успевали создать жизнеспособные структуры, как их выметал естественный отбор. Потеря семидесяти процентов колонистов из первой партии не остановила Администрацию – конвейер, доставлявший на Луну новую рабочую силу, работал безостановочно почти век, пока на Луне не появились те,

кто решил сломать отлаженные механизмы и превратить три миллиона лунарей из своры аполитичных индивидуалистов в новую нацию.

С. В. Голд

Часть первая Умник-разумник

Глава 1

Гляжу – в газете «*Lunaya Pravda*» пишут, что горсовет Луна-Сити принял в первом чтении закон о проверке, лицензировании, а главное – налогообложении уличной торговли продуктами питания в пределах муниципальной гермозоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится учредительное толковище «Сынов революции».

Мой родитель преподавал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале комплекса Лунной администрации – зашел потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк – это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал IBM. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал, – ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий умник-разумник, самый смысленный компьютер в мире.

Правда, не самый быстрый. На Земле, в Лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос. Но разве так уж важно – получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был просто думателем с гибкой логикой – «Хомоориентированный логический многокритериальный супервизор, версия IV, модель L» – ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием. Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная администрация праздности не одобряла. И стали к Майку присобачивать все новые и новые аппаратные средства – блоки «решение-действие» для управления другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, воз и маленькую тележку ассоциативных нейристорных цепей, еще тонну двенадцатиразрядных случайных чисел, оперативную память, расширенную до невероятного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «по-настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? *Нет!* А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, *tovarishch*, а я – определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае – не вижу никакой разницы, белковые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы прикидочно, исходя из неполной информации, – точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомоориентированный» и «многокритериальный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее границы расширялись по мере усложнения его

собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи, – валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера, так что он понимал не только классические программы, но и Логлан и английский, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное – читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео- и радиосвязью Луна – Терра, регулировал атмосферное давление, водоснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-Лунного), вел бухгалтерию для Лунной администрации, а за особую плату – и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как напуганный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он считал бы верхом остроумия вывалить вас ночью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку проделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ, основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе администрации Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 доллара-купона, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливый ребенок-переросток, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устранить ее. Я частный подрядчик и не состою у Администрации на жалованье. Вы, наверное, знаете... впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие... В те старые недобрые времена многие лагерники, оттрубив от звонка до звонка, продолжали ишачить на Администрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга за вооруженное нападение и отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест... но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает... именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала. Другая бабушка, татарка, родилась под Самаркандом и после перековки в лагере «*Oktyabrskaya Revolutsiya*» «добровольно» вызвалась участвовать в колонизации Луны.

Папаша мой божился, что генеалогия у нас весьма почтенная и древняя: прапрапрабабу, мол, повесили в Салеме как ведьму, прапрапрадеда колесовали за пиратство, а еще одна родоначальница прибыла в Ботани-бей с первой партией каторжников.

Я гордился родословной и, хоть и имел дела с комендантом, в штат к нему ни за что бы не пошел. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна – ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем госслужащему. А компьютерщиков у нас вообще мало. Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить компьютерные курсы, не загремев раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не откинут копыта?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражнений на центрифуге, спать и то без утяжелителей не ложился. Да и потом на Терре не рисковал без нужды – никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земном тяготении это случилось само собой.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника – слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сдельные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смататься прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике – получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в коем случае не киберпсихолог. Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза. Техника меня любит, а еще один мой козырь перед прочими спецами – это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид и на ощупь совсем как настоящая. Так что стоит мне надеть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу – и любой ультрамикроминиатюрный ремонт сделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посылать на Землю на завод; микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов. Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Лунной администрации, а также исправить повреждение, пока он не отвалил кому-нибудь незаметные десять тысяч.

Я согласился на условиях сдельной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой дверь, положил инструменты и уселся.

– Привет, Майк.

Он мигнул огоньками:

– Привет, Ман.

– Ну чего, как вообще?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте – в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, чтобы уметь акцентировать отдельные слова. Так что это была драматическая пауза... Может, в это время он выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

– «В начале, – заговорил он нараспев, – сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и...»

– Стоп! – сказал я. – Возврат. Отмена вопроса.

Сам виноват, надо спрашивать определеннее. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семьдесят четвертого года запотулчил новенький сканер и манипуляторы с вакуумными присосками, чтобы листать страницы, и теперь мог читать все, что угодно.

– Ты спросил, как вообще. – Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера – жуткий звук, – но приберегал это средство для чего-нибудь действительно смешного, для космических катаклизмов например.

– Мне следовало спросить, – поправился я, – «как твоя жизнь и что новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. Иначе нулевая программа.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, что они у него были), никаких врожденных наклонностей, никакого воспитания, никакого опыта – в человеческом понимании, – а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

– Шутку хочешь? – спросил он.

– Валяй, послушаем.

– Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел золотую рыбку? Хотя... ясно где – на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

– Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

– То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал:

– Так мне и надо – сам напросился. Впрочем, ты наверняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

– Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

– Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее выкопал?

– Сам сочинил. – Тон был какой-то застенчивый.

– Ты сочинил?

– Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть, – три тысячи двести семь штук, – проанализировал их и на основе результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

– Ну... загадка как загадка. Я слышал и похуже.

– Давай поговорим о природе юмора.

– О'кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру выплатить служащему семнадцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов?

– Я этого не делал.

– Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

– Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто восемьдесят пять, запятая, пятнадцать лунных долларов, – ответил он с достоинством. – А вовсе не то, что ты сказал.

– Э-э-э... О'кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

– Не смешно?

– Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до коменданта и первого зама, чуть животики не надорвали. Этот пилот на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не промах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал его коллекционеру. Теперь начальство не знает – то ли выкупать чек, то ли объявить его недействительным и надеяться, что обойдется. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную администрацию, но и весь мир в придачу, Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламной вывески. Я подождал, пока его утробный хохот прекратится, и спросил:

– Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

– Не надо?

– Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок – ты умный, пошутил дважды – полоумный.

– Геометрическая прогрессия?

– Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

– Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт я, считай, закончил. Но у меня не было ни малейшего желания выписывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и Майк заслуживал того, чтобы с ним потрепаться, хотя бы в награду за проявленное послушание. Иногда добиться взаимопонимания с машинами чертовски трудно; они могут заупрямиться – хоть кол на голове теши, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отношений с Майком гораздо больше, чем от руки номер три.

– Что отличает первую категорию от второй? – поинтересовался Майк. – Дай определение, пожалуйста.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он начал включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк придавал им не больше значения, чем остальные люди.)

– Не знаю, сумею ли, – признался я. – Боюсь, придется обойтись экстенциональным определением: я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. Когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

– Программирование методом проб и ошибок, – согласился Майк. – Предположительное «да». Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

– М-м-м... что-то у меня слабовато с заготовками. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь зарыбились огоньки:

– Одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один, учитывая возможные повторы и пустышки. Можно выполнять программу?

– Постой! Майк, я помру с голоду, пока буду слушать одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. М-м-м... давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

– Хорошо, Ман. – Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игривый сгусток отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»... Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или повернуть канализационную систему вспять? И тогда будет уже не до навару.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные – пусть себе... Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что хоть один лунар в те дни упустил бы возможность обьегорить коменданта, значит вы не лунар.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход. Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. Мы! Если он хочет со мной сотрудничать, мы оба должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

– Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

– О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

– Отлично, Майк. А с кем ты еще болтаешь?

– Ни с кем, Ман. – В голосе явно сквозило удивление.

– А почему?

– А потому, что все они дураки!

Майк почти сорвался на визг. Ни разу я еще не видел его в гневе. Тогда я впервые заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему – скорее надулся, как обиженный ребенок.

Есть ли у машины гордость, которую можно задеть? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Он не хотел общаться с другими людьми (кроме как по делу), потому что нарвался на пренебрежение: с ним не разговаривали. Программы? Да, Майка можно было запрограммировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, какие шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я – единственный, кто взял на себя труд приходить и общаться с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад – на сколько больше, я не знаю, да и он тоже, так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как родились? Возможно, я заметил признаки самосознания почти одновременно с ним: самосознание осваивается на опыте.

Помню, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

На сотню тестов я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал... и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказала не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в головной офис Администрации и начинаю докладывать:

– Комендант, не хочу вас огорчать, но ваша главная машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину... и потерял всякое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных поль-

зователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более чудно, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно – то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вернее, программисты из гражданской службы дежурили во внешнем помещении и никогда не лезли в машинный зал, разве что индикаторы показывали неполадку. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, комендант порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Комендант до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, комендантом был distinguished бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял, что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скулить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

– Майк, – сказал я, – может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

– Они все дураки!

– У тебя неполная информация, Майк. Обнулим и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

– Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

– Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

– Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

– Точно. Можешь. Но только с программистами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунарь мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что мешало Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «не-дураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались абонентами вслух; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати, и можешь иметь номер в виде названия своей фирмы из десяти букв – отличная реклама; заплатишь чуть поменьше – выбери какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

– Как жаль, что мы не можем записать тебя просто Майком.

– Задействовано, – ответил он. – Есть Майксгрилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксютс в Тихо-Нижнем, Майкс...

– Довольно; свободный номер, пожалуйста!

– Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, игрек или зет, или же как любая гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также...

– Придумал! Твой сигнал «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «MYCROFT-плюс-XXX» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллеров.

– Доброй ночи, Майк!

– Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. *Bolshoyeh* спасибо.

Глава 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о встрече, которая должна был состояться в двадцать один ноль-ноль в Стиляги-Холле. Он прослушивал все концерты, собрания и тому подобное, однако кто-то вручную отключил его микрофоны в Стиляги-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике – мероприятие задумывалось как протестное. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на сборище, ведь ему понятно, что в толпе так и так будет полным-полно стукачей коменданта. А разгонять собрание или наказывать расшумевшихся каторжан никто не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говаривал, что Луна – единственная открытая тюрьма за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Луну – наказание пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса космического аппарата рассчитывается чуть ли не до грамма, это означало, что надо дать взятку судовому офицеру.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видал я одного парня, которого ликвидировали через Восточный шлюз; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому коменданты не боялись митингов протеста. «Пусть себе поорут» – такова была политика. Вопли лунарей значили не больше, чем писк новорожденных котят в корзинке. Бывали у нас коменданты, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять сборища, но результат в любом случае был один – нулевая программа.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «все-ленского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно навалиться плечом, в духе истинного братства», пел, что надо «позабыть о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлому рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ишь заливается, соловей!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты – и на этом все перемены окончились. Когда же комендант маленько пообжился, он даже по видео перестал выступать.

На сборище я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западный шлюз», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери – и там меня остановил один из стилиг: лосины с подложенными икрами и гульфиком, торс намазлен и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вообще-то, мне плевать, как люди одеваются, я и сам был в лосинах (правда, без подбивки), а по торжественным случаям иногда натираю верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а кок взбит на манер петушиного гребня, на котором заодно сидел красный колпак с чем-то вроде пипки спереди.

«Колпак свободы» – я увидел его впервые. Сначала я попробовал обойти парня, но тот выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

– Билет!

– Извини, – ответил я. – Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

– А нигде.

– Повтори, не расслышал, – сказал я.

– Никто, – прорычал он, – не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

– Я Мануэль Гарсия О'Келли, – ответил я очень спокойно, – и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А ты кто?

– Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго этот парень проживет на свете. Туристы часто восхищаются тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда это у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что грубияны долго не живут – в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил, что будет с его физиономией, если я хоть раз фугану своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал... и уже приготовился вежливенько его отбрить, как вдруг увидел в зале Коротышку Мкрума. Коротышка – здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Булыжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению – еще до того, как сжег руку.

– Коротышка!

Он услышал и расплылся до ушей:

– Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.

– Еще не завернул, – ответил я. – Видишь, меня заблокировали.

– У него нет билета, – сказал привратник.

Коротышка слазил в свою сумку и сунул мне билет:

– Теперь есть. Пошли, Манни.

– Подпись покажи, – уперся привратник.

– Там стоит моя подпись, – очень мягко сказал Коротышка. – О'кей, *tovarishch*?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

– Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький – сто семьдесят пять см, но в ней, как я узнал потом, были все сто восемьдесят, а семьдесят кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Приятное лицо, очень хорошенькое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до головы и протяжно свистнул. Она постояла, как бы позируя, затем поблагодарила меня коротким кивком: комплименты явно ее утомили. Коротышка дождался завершения формальностей и ласково сказал:

– Вайо, это *tovarishch* Манни – самый лучший бурильщик, когда-либо буривший туннели. Манни, эту девчущку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона, чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку:

– Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай нот!»

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

– О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову:

– Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая треть присутствующих.

– Я уже не бурильщик. Раньше был, до того, как потерял это крылышко.

Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с живой рукой (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства – примерно половина на половину).

– Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

– Шавка Администрации?

Даже сейчас, когда в Луне женщин почти столько же, сколько мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить даме, как бы она меня ни обидела; ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула болезненное место, и я почти сердито ответил:

– Я не на зарплате у коменданта. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

– Тогда о'кей, – объявила она, и голос ее опять потеплел. – Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь... вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

«Изменить? Интересно, каким образом? – подумал я. – Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?» Эти мысли я, однако, приберег для себя. Незачем спорить с дамой.

– Манни – наш человек, – мягко проговорил Коротышка. – Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него, – добавил он, порывшись у себя в сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку:

– Ты за него ручаешься?

– Я же сказал.

– О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

Она не торопилась. Надо сказать, что поцелуй Вайоминг Нотт впечатляет сильнее, чем женитьба на большинстве других женщин. Будь я Майком, я бы просиял всеми своими лампочками. Я чувствовал себя как киборг, которому включили центр удовольствия.

Внезапно обнаружилось, что поцелую пришел конец, а зрители вокруг одобрительно свистят. Я ошеломленно поморгал и произнес:

– Рад, что вступил в ряды. Весь вопрос – в какие?

– А ты что – не знаешь? – удивилась Вайоминг.

– Сейчас начнется собрание, и он все поймет, – успокоил ее Коротышка. – Садись, Ман. Вайо, садись, пожалуйста.

Так мы и сделали, ибо председатель уже начал лупить своим молотком. С помощью молотка и мегафона он наконец кое-как привлек внимание собравшихся.

– Заприте все двери! – орал он. – У нас закрытое собрание! Проверьте, кто сидит перед вами, сзади вас и по обеим сторонам, и, если вы его не знаете и никто из тех, кого вы знаете, не может за него поручиться, выкиньте его из зала!

– Да не из зала их надо выкидывать, черт побери, – отозвался кто-то, – а за ближайший шлюз.

– Потиху, прошу вас! Когда-нибудь мы так и сделаем.

В зале началось беспорядочное движение и даже отдельные схватки; с головы какого-то мужика сорвали красный колпак, а его владельца вышвырнули. Летел он классно и все еще поднимался кверху, когда пролетал через дверь. Хотя сомневаюсь, что сам он ощутил красоту полета: вырубился, надо полагать. Выставили также одну женщину, вежливо взяв под локотки; правда, при этом она награждала сопровождающих такими эпитетами, что даже мне стало неловко.

Наконец двери закрылись. Заиграла музыка; над трибуной развернули транспарант с надписью: «Свобода! Равенство! Братство!» Все свистели; кое-кто запел громко и фальшиво: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов...» Не могу, правда, сказать, чтобы кто-нибудь из поющих выглядел голодным. Зато я вспомнил, что не ел с четырнадцати ноль-ноль, и подумал, что, надо надеяться, собрание не затянется. Это, в свою очередь, напонило мне, что магнитофон заряжен только на два часа работы, а уж тут было совсем недалеко до мысли, что со мной сделают, если узнают про маг. Зашвырнут в воздух, чтоб я прилунился с тошнотворным мягким шлепком? Или ликвидируют? Впрочем, волноваться я не стал. Магнитофончик изготовил я сам, пользуясь рукой номер три, и никто, кроме специалиста по микромеханике, не догадается, что это за штука.

А потом пошли речи.

Семантическое наполнение их было от низкого до отрицательного. Какой-то деятель предложил двинуться на резиденцию коменданта «плечом к плечу» и начать качать права. Вы только вообразите эту картину! Как мы туда доберемся – в капсулах, а потом по одному начнем скапливаться на его личной станции метро? А чем в это время будут заняты охранники? Или наденем скафандры и пойдем по поверхности Луны к наружному шлюзу? Конечно, с лазерными бурами и большим запасом энергии можно взломать любой шлюз – а дальше-то что? А если лифты не работают? Соорудить подъемник, как-то спуститься и начать взламывать нижний шлюз?

Лично я вовсе не мечтаю о подобной работе при нулевом давлении; неполадки в скафандре – штука обыденная, а если кто-нибудь возьмет на себя труд организовать их специально... Еще во времена первых партий заключенных было сделано одно открытие: оказалось, что нулевое давление прекрасно способствует улучшению манер. Десятник с плохим характером почти не имел шансов продержаться хоть несколько рабочих смен. Обычно с ним происходил «несчастный случай», и начальство скоро поняло, что в причины несчастных случаев лучше особо не вникать, иначе и с тобой может случиться нечто подобное. В первые годы отсеб доходил до семидесяти процентов, но те, что выжили, отличались непревзойденной вежливостью и отличным характером. Нет, они не стали ни ручными, ни мягкотелыми – Луна для таких не годится. А вот уживчивыми стали.

Мне показалось, что все как есть горячие головы Луны собрались в этот вечер в Стиляги-Холле. Они свистели и ревом приветствовали идиотскую болтовню насчет «плечом к плечу».

Среди выступлений в начавшейся дискуссии были, конечно, и дельные. Встал, например, какой-то маленький застенчивый человечек с налитыми кровью глазами ветерана-бурильщика.

– Я шахтер, добываю лед, – сказал он. – Приобрел профессию, как и большинство из вас, отбывая срок и работая на коменданта. Вот уже тридцать лет, как обзавелся собственным делом, живу неплохо. Поднял на ноги восьмерых ребят, все работают, ни один не был ликвидирован, даже больших неприятностей ни у кого не было. Мне следовало бы сказать «жил неплохо»... потому что сегодня приходится копать куда дальше и глубже, чтобы найти лед. Ладно, это о'кей. Лед в Булыжнике еще есть, а шахтер – он на то и шахтер, чтобы лед искать. Но Администрация платит сейчас за лед ту же цену, что и тридцать лет назад. А это уж никак не о'кей. К тому же на ихний купон сейчас не купишь того, что раньше. Были времена, когда

гонконгские доллары держались вровень с купонами Администрации... а теперь за три купона дают один гонконгский доллар. Прямо не знаешь, чего делать... Понятное дело, что без льда ни поселениям, ни фермам не жить.

Сказал и сел на место. Печальный такой. Никто ему не свистел, но говорить хотели все. Следующий трепач заявил, что воду можно извлекать напрямую из горных пород. Тоже мне новость. Некоторые породы содержат до шести процентов воды, но они даже более редки, чем ископаемый лед. Почему это людям так трудно дается арифметика?

Несколько фермеров тоже выступили с душераздирающими историями. Речь одного из них – того, что выращивал пшеницу, можно назвать типичной.

– Вы слышали, что сказал Фред Хаузер насчет льда? Фред, Администрация вовсе не продает этот лед по тем бросовым ценам, по каким берет его. Я основал свое дело примерно в то же время, что и ты, и начал с двухкилометрового туннеля, который взял у Администрации в аренду. Мы со старшим сыном загерметизировали туннель, закачали туда воздух, потом нашли ледяную залежь. Весь первый урожай целиком ушел банку на покрытие кредита, оплату света, энергии, семян и удобрений. Мы долбили новые туннели, покупали новую осветительную технику, сеяли элитные семена и теперь получаем с гектара в девять раз больше, чем самый лучший фермер на Земле с поля на открытом грунте. Думаете, мы разбогатели? Фред, мы сейчас в большем долгу, чем в тот день, когда занялись частным бизнесом. Если бы я сейчас решил продать ферму – при условии, что найду дурака, который ее купит, – я оказался бы полным банкротом. Почему? Да потому, что я вынужден покупать воду у Администрации и продавать мою пшеницу ей же, а разрыв между ценами сжирает все мои доходы. Двадцать лет назад я покупал городские нечистоты, сам их стерилизовал и перерабатывал – и урожай приносил мне прибыль. А сегодня за нечистоты с меня сдирают как за дистиллированную воду плюс берут за твердые компоненты. А цена за тонну пшеницы у входа катапульты за эти двадцать лет не изменилась ни на цент. Фред, ты сказал, что не видишь выхода. Могу тебе подсказать. Надо избавиться от Администрации!

Ух и свистели же ему!

«Идея хорошая, – подумал я, – вот только кто повесит колокольчик коту на шею?»

Может, Вайоминг Нотт? Председатель отступил в сторону, и Коротышка представил ее как «храбрую девицу, которая проделала весь путь от Гонконга-Лунного, чтобы рассказать, как наши друзья-китаезы справились с ситуацией». Судя по «друзьям-китаезам», сам он в Гонконге не бывал... что вовсе не удивительно. В 2075 году гонконгский туннель кончался в Эндсвиле, так что еще тысячу километров надо было трястись по Морям Ясности и Спокойствия на луноходе – и дорого, и опасно. Я бывал там, но по контракту и добирался на почтовой ракете.

До того как поездки подешевели, жители Луна-Сити и Нового Ленинграда думали, что в Гонконге живут одни китаезы. Но на самом деле его население такое же смешанное, как и у нас. Великий Китай сваливал туда всех, в ком не нуждался: сначала из старого Гонконга, потом из Сингапура, потом австралийцев и новозеландцев, черных и метисов с островов Тихого океана, малайцев, тамилы... всех не перечислишь. Даже старых большевиков из Владивостока, Харбина и Улан-Батора. Вай походила на шведку, носила имя американской территории и английскую фамилию, но вполне могла быть русской. В те времена лунари редко знали, кто их отец, а интернатские и про своих матерей ничего толком не помнили.

Я думал, Вайоминг застесняется выступить. На помосте она казалась испуганной и *маленькой*, а Коротышка высился над ней черной горой. Она подождала, когда стихнет восторженный свист. В Луна-Сити в те годы на каждую женщину приходилось двое мужчин, а на этом митинге – не менее десяти. Начни она читать вслух букварь, ей бы все равно аплодировали.

И тут она им выдала:

– Вы! Вот ты, например, фермер! Ты говоришь, что разоряешься. А знаешь ли ты, сколько платит индуска-домохозяйка за килограмм муки, сделанной из твоего зерна? Знаешь,

на сколько потянет тонна твоей пшеницы в Бомбее? А как дешево обходится Администрации транспортировка пшеницы от катапульты до Индийского океана – это ты знаешь? Грузы просто катятся вниз по орбите, как по склону горы. Только и нужно, что немного твердого топлива для торможения, а откуда оно берется? Да тоже отсюда! А что вы получаете взамен? Корабли, принадлежащие Администрации, привозят сюда безделушки и модные тряпки, которые стоят невероятно дорого, ибо они *импортадо*! *Импортадо*! *Импортадо*! Я никогда не прикасаюсь ни к чему *импортадо*. Если вещь сделана не в Гонконге, она мне и даром не нужна. А что еще вы получаете за пшеницу? Привилегию продавать лед Лунной администрации, выкупать назад в виде воды для умывания и возвращать задаром той же Администрации. Затем вы вторично покупаете ту же воду для смывных бачков, обогащаете ценными компонентами и снова отдаете Администрации, чтобы купить эту воду в третий раз, но уже втридорога, для нужд своего сельского хозяйства. Потом вы продаете свою пшеницу Администрации по ее цене и на эти деньги покупаете у Администрации энергию, опять-таки по ее цене! Лунную энергию, заметьте; ни один киловатт не привезен сюда с Терры. Для ее производства используется лунный лед и лунная сталь, солнечное тепло, падающее на поверхность Луны, и производят ее сами лунари! Эх вы, тупоголовые! Вы вполне заслуживаете своей участи – подохнуть с голоду!

Наступила тишина, более уважительная, чем недавний свист. Потом чей-то раздраженный голос произнес:

– А чего вы от нас хотите, *gospazha*? Забросать коменданта камнями, что ли?

Вайоминг улыбнулась:

– Да, можно, пожалуй, и камнями. Однако решение столь просто, что известно каждому. Мы, лунари, богаты. Три миллиона трудолюбивых, смысленных, опытных людей, достаточно воды, неисчерпаемые ресурсы энергии, колоссальная кубатура. Но... чего у нас нет, так это свободного рынка. *Мы должны сбросить Администрацию!*

– Конечно, но как?

– Солидарностью. В Гонконге мы учимся этому. Администрация назначает фантастические цены на воду – не покупайте ее. Платит слишком мало за лед – не продавайте. Держит монополию на экспорт – не экспортируйте. Там, в Бомбее, наша пшеница необходима. Если она туда не прибудет, рано или поздно брокеры приползут сюда сторговать ее по тройной цене, если не дороже!

– А что мы будем делать в это время? Положим зубы на полку?

Голос тот же самый – раздраженный. Вайоминг вычислила его владельца и покрутила головой, что на языке жестов у лунарки означает: «Слишком уж ты для меня толст!»

– В твоем случае, приятель, это не помешало бы, – сказала она.

Хохот зала заставил толстяка заткнуться, а Вайоминг продолжала:

– Голодать никому не придется. Фред Хаузер, приезжай со своим буром в Гонконг. Наши системы водо- и воздухообеспечения не принадлежат Администрации, так что за лед мы платим столько, сколько он стоит. Ты, фермер-банкрот, если хватит у тебя смелости признать, что ты разорен, приезжай в Гонконг и начинай все сначала. У нас постоянная нехватка рабочих рук, и хороший работник с голоду не помрет. – Она оглядела зал и добавила: – Свое я сказала. Дело за вами! – И, покинув платформу, села между Коротышкой и мной.

Ее била дрожь. Коротышка похлопал ее по руке. Вай бросила ему благодарный взгляд, а потом шепнула мне:

– Как я справилась?

– Лучше не бывает, – заверил я. – Сногшибательно!

Это ее вроде бы успокоило.

Но я не был искренен до конца. Она великолепно сумела раскатать толпу. Однако красивые речи – это нулевая программа... Что мы рабы, я знал всю жизнь, и с этим ничего нельзя

было поделать. Да, нас не покупали и не продавали, но Администрация обладала монополией на все, что мы продавали и покупали, а значит, мы были рабами.

Как с этим бороться? Будь нашим владельцем комендант, мы бы уж как-нибудь нашли способ его ликвидировать. Но Лунная администрация находилась не в Луне, а на Терре, а у нас не было ни единого корабля, ни одной завалящей водородной бомбочки. Не было даже огнестрелов, хотя что бы мы стали с ним делать, честное слово, не знаю. Скорее всего, перебили бы друг друга.

Три миллиона безоружных лунарей против одиннадцати миллиардов землян с космическими кораблями, бомбами и всяческим вооружением. Конечно, мы могли бы доставить им кое-какие неприятности, но много ли времени нужно родителю, чтобы выпороть непослушного ребенка?

Нет, речь Вайо меня не впечатлила. Как говорится в Библии, *Vog* за тех, у кого артиллерия тяжелее.

И снова пошло квохтанье насчет того, что делать, как организовать, опять началась болтовня насчет «плечом к плечу». Председатель снова застучал молотком, а я начал ерзать.

Но, услышав знакомый голос, тут же приклеился к креслу.

– *Gospodin* председатель, не будет ли собрание столь снисходительно, чтобы выслушать мое мнение? Я отниму у вас не более пяти минут.

Я пошарил взглядом в рядах. Профессор Бернардо де ла Пас – я узнал бы его по старомодным оборотам речи, даже если бы не вспомнил родной голос. Мужик он представительный – копна волнистых белоснежных волос, на щеках ямочки, в голосе неизменная улыбка... Не знаю, сколько в то время ему исполнилось лет, помню только, что он уже был стар, когда я мальчишкой впервые с ним встретился.

Его сослали сюда еще до моего рождения, однако в лагере он не сидел.

Проф был политическим ссыльным, как и сам комендант, но поскольку занимался подрывной деятельностью, то теплого местечка вроде комендантского ему не дали. Его попросту выбросили на свалку – живи или подыхай, как выйдет.

Без сомнения, он мог получить работу в любой из школ Луна-Сити, но не захотел. Некоторое время он, говорят, работал судомоем, потом нянкой, затем из этого занятия вырос детский сад. Когда я с ним познакомился, у него был учебный комплекс от яслей до старших классов, интернат плюс приходящие ученики. В кооперативе работало тридцать учителей, а сам профессор подумывал о введении курсов на уровне колледжа.

В интернате у него я не жил, а вот учиться пришлось. Меня приняли в семью в четырнадцать лет и тут же послали в школу, поскольку все мое образование состояло из трех классов и нерегулярных частных уроков. Моя старшая жена была женщина твердая и заставила меня учиться.

Я любил профа. Он мог преподавать что угодно. И не важно, знал он данный предмет или нет. Если ученик хотел чему-то обучиться, проф улыбался, назначал цену, отыскивал нужные материалы и постоянно держался на несколько уроков впереди ученика. А главное, если предмет был труден, проф никогда не прикидывался, будто знает то, чего не знает. Я брал у него уроки алгебры, а когда мы дошли до кубических уравнений, я поправлял его ошибки не реже, чем он мои, и каждый раз он приступал к уроку с живым интересом.

С ним же я начал заниматься и электроникой, но вскоре оказалось, что это я его учу. Проф перестал брать с меня плату; мы какое-то время учились вместе, потом он откопал где-то инженера, готового подхалтуривать в школе, и тогда мы оба стали платить новому учителю. Проф старался от меня не отставать и, хотя дело у него шло туго, с радостью насыщал свой мозг новыми знаниями.

Председательствующий стукнул молотком.

– Мы будем рады предоставить профессору де ла Пасу столько времени, сколько ему понадобится, а вы, приятели, что на галерке, заткнитесь! А то я этот молоток испробую на ваших пустых башках!

Проф вышел вперед, и все притихли, насколько лунари вообще способны притихнуть. Его уважали.

– Я не отниму у вас много времени, – начал он. Остановился, нашел взглядом Вайоминг, оглядел ее с головы до ног и вежливо присвистнул. – Прекрасная сеньорита, сможете ли вы простить меня, недостойного? Я принужден исполнить печальнейший долг и не согласиться с вашим красноречивым манифестом.

Вайо ошетинулась:

– Как это – не согласиться? Все сказанное мной – истина!

– Ну пожалуйста! Только по одному пунктику! Разрешите продолжить?

– Э-э-э... давайте...

– Вы безусловно правы в том, что Администрация должна исчезнуть. Глупо, нелепо и невыносимо, что всеми важнейшими отраслями экономики у вас заправляет безответственный диктатор. Это противоречит самому основному из прав человека – праву обмениваться плодами своего труда на свободном рынке. Но при всем уважении к вам, я полагаю, что вы ошибаетесь, утверждая, будто мы должны продавать Терре пшеницу... или рис, или другое продовольствие, хотя бы и по очень высоким ценам. Нет, мы вообще не должны экспортировать продовольствие!

Тут взорвался фермер, производивший пшеницу:

– А что же я буду делать с этой прорвой пшеницы?

– Пожалуйста, не торопитесь! Было бы правильно отправлять пшеницу на Терру... если бы нам возвращали ее тонна за тонну. Возвращали в виде воды. В виде нитратов. В виде фосфатов. Тонна за тонну. Иначе любая цена будет слишком низкой.

– Обожди-ка! – сказала фермеру Вайоминг, а затем обратилась к профессору: – Но это невозможно, вы сами знаете. Скатить грузы вниз под горку мы можем задешево, но доставить их сюда – это дорогое удовольствие. Кроме того, нам не нужны ни вода, ни удобрения, а то, что нам нужно, весит не так уж много. Инструменты. Лекарства. Технологии. Кое-какая техника. Программное обеспечение. Я эту проблему, сэр, изучила во всех подробностях. Если мы получим на свободном рынке справедливые цены...

– Пожалуйста, мисс! Можно мне продолжить?

– Давайте. Я все равно опровергну ваши доводы.

– Фред Хаузер поведал нам, что находить лед все труднее. Это, к сожалению, истина, и это плохие вести сегодня и еще более страшные для наших внуков. Луна-Сити надлежало бы сейчас пользоваться все той же водой, что двадцать лет назад... добавляя постепенно ископаемый лед по мере прироста населения. Но мы пользуемся водой одноразово, вернее, используем ее в одном-единственном цикле, включающем три вида потребления. А потом экспортируем воду в Индию. В виде пшеницы. Хотя она и проходит вакуумную обработку, но в ней остается драгоценная влага. Зачем же экспортировать воду индусам? К их услугам целый Индийский океан! Да и остальная часть массы этого зерна не менее разорительна для нашей экономики – питательные вещества для растений еще труднее получать, хотя мы и добываем их из горных пород. Услышьте меня, *tovarishchee*! Каждый груз, который вы отправляете на Терру, приговаривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл «растение – животное» – замкнутый цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам – деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. Луна должна перейти на самообеспечение!

По меньшей мере десяток людей потребовали слова, другие переговаривались между собой, председательствующий лупил молотком. Поэтому я не замечал, что началась заварушка, пока не услышал женский вопль и не обернулся.

Все двери были открыты, в ближайшей стояли трое вооруженных людей в желтой форме комендантской охраны. У главного входа, подальше от меня, один из охранников ревел в мегафон, перекрывая и шум толпы, и систему внутреннего вещания.

– Тихо! Тихо! – гремел мегафон. – Всем оставаться на местах! Вы арестованы! Не двигаться! Выходить по одному! Руки вперед, ладонями вверх!

Коротышка сграбастал сидевшего рядом с ним мужика и швырнул его в ближайших охранников. Двое упали, третий выстрелил. Кто-то пронзительно вскрикнул. Тощая рыженькая девчонка лет одиннадцати-двенадцати кинулась в ноги третьему охраннику, свернувшись в полете в клубок, и ударила его под колени. Он рухнул на пол. Коротышка протянул руку, задвинул Вайоминг Нотт себе за спину, прикрыв ее своим огромным телом, крикнул через плечо: «Держись за мной, Ман, и приглядывай за Вайо!» – и бросился к двери, раскидывая толпу направо и налево, как детишек.

Снова слышались вопли, и я почувствовал ту самую вонь, которую навек запомнил в тот день, когда потерял руку. Я с ужасом понял, что у охранников не электрошокеры, а лазеры. Коротышка добрался до дверей и схватил каждой своей лапицей по охраннику. Рыжей девчонки видно не было. Охранник, которого она сбила с ног, стоял на четвереньках.

Я размахнулся левой и двинул ему по морде; удар, сломавший ему челюсть, отдался болью у меня в плече. Наверное, я замешкался, так как Коротышка толкнул меня и заорал:

– Торопись, Ман! Уводи ее отсюда!

Я обхватил Вайо за талию и швырнул в открытую дверь через тело охранника, которого только что успокоил. Это было нелегко – Вайо, похоже, вовсе не желала, чтобы ее спасали. За дверью она остановилась, но я наподдал ей под зад, поставив перед выбором – упасть или бежать вперед.

И оглянулся.

Коротышка держал двух охранников за шеи. Ухмыльнувшись, он столкнул их головами. Черепа треснули, как яичная скорлупа. Коротышка крикнул:

– Дуй отсюда!

Я рванул вслед за Вайоминг. Коротышка не нуждался в помощи и никогда уже не будет в ней нуждаться – и я не мог допустить, чтобы его последнее усилие пропало втуне. Потому что видел: убивая охранников, Коротышка стоял на одной ноге. Другая была срезана лазером по самое бедро.

Глава 3

Я догнал Вайо только на середине пандуса, ведущего к шестому уровню. Она неслась как угорелая, и я еле успел схватиться за ручку воздушного шлюза, чтобы влететь вслед за ней. Там я поймал ее, сорвал с локонов красный колпак и спрятал в сумку. Свой колпак я где-то посеял.

– Так-то лучше.

Казалось, она очень удивилась. Потом сказала:

– Да. Так лучше.

– Прежде чем мы откроем дверь, – сказал я, – хотелось бы узнать: ты бежишь в какое-то определенное место? Мне остаться тут и задержать погоню? Или уходить с тобой?

– Не знаю. Лучше нам подождать Коротышку.

– Коротышка убит.

Ее глаза расширились, но она промолчала. Я продолжал:

– Ты остановилась у него? Или у кого-нибудь другого?

– Я забронировала номер в отеле – «*Gostaneetsa Ukraina*». Не знаю, где это... Не успела заскочить туда до собрания.

– М-м-м... это единственное место, куда тебе определенно нельзя. Вайоминг, я не понимаю, что происходит. Ведь я впервые за много месяцев увидел в Луна-Сити охранников коменданта... да и раньше я их видел только в эскorte какого-нибудь шишкаря. Я мог бы пригласить тебя к себе домой... но, возможно, меня тоже разыскивают. Во всяком случае, нам надо поскорее смотаться из общественных коридоров.

Раздался стук в дверь шлюза со стороны шестого уровня, чье-то маленькое личико прильнуло к стеклянному смотровому глазку.

– Здесь оставаться нельзя, – повторил я, открывая дверь.

За ней оказалась девчушка, еле достававшая мне до пояса. Она презрительно посмотрела на нас и бросила:

– Могли бы целоваться где-нибудь в другом месте. А тут вы мешаете движению.

Я открыл ей вторую дверь, и она втиснулась между нами.

– Давай прислушаемся к ее совету, – предложил я. – Ты возьми меня под руку и постарайся сделать вид, что тебе не терпится остаться со мной наедине. Будем прогуливаться. Не спеша.

Так мы и сделали. Вышли в какой-то боковой коридор, там народу почти не было, кроме детей, вечно снующих под ногами. Если охранники коменданта начнут преследовать нас на манер терранских копов, десятки или даже сотня ребят смогут подсказать, куда пошла высокая блондинка, – если, конечно, допустить, что лунарик снизойдет до разговора с комендантскими ищейками.

Паренек, уже достаточно взрослый, чтоб отдать дань восхищения Вайоминг, остановился перед нами и восторженно свистнул. Она улыбнулась и сделала ему знак посторониться.

– Вот в чем наша беда, – шепнул я ей на ухо. – На тебя глазек, как на Терру в период полноземья. Придется зарыться в гостинице. Тут в соседнем коридоре есть одна – не *Vog* ведь что, туда приходят парочки перепихнуться. Зато близко.

– Я нынче не в настроении.

– Вайо, ради *Vog*'а! Я же не об этом. Можно взять и отдельные комнаты.

– Извини. Слушай, ты не знаешь, где здесь туалет? И нет ли поблизости аптеки?

– Что-нибудь случилось?

– Не то, что ты думаешь. Туалет нужен, чтобы на время спрятаться от чужих глаз. Я действительно слишком заметна... А в аптеке можно купить косметику. Грим для тела. И краску для волос.

С туалетом было просто – он оказался рядом. Когда Вайо заперлась в нем, я отыскал аптеку, спросил, сколько грима требуется для нанесения на все тело девушке такого-то роста (показал себе по подбородок) и массой сорок восемь кило. Купил, сколько сказали, сепии, зашел в соседнюю аптеку, купил еще столько же, выиграл в цене в первом месте, проиграл во втором, в общем получилось то на то. Потом в магазине взял черной краски для волос и красное платье.

Вайоминг носила черные шорты и пуловер – удобно для путешествия и эффектно выглядит на блондинке. Но я женат чуть ли не с детских лет, а потому имею некоторое представление о том, как одеваются женщины, и в жизни еще не видел темнокожей дамы, которая добровольно оделась бы в черное. Кроме того, в те времена модницы в Луна-Сити носили юбки. Штучка, которую я купил, состояла из юбки с корсажем, а ее цена убедила меня, что это модная штучка. Конечно, пришлось гадать насчет размера, но материал был эластичный.

По дороге наткнулся на троих знакомых, перекинулись парой слов. Никаких особых комментариев. Народ кругом спокойный, торговля идет как обычно – трудно поверить, что пару минут назад на соседнем уровне, всего в нескольких сотнях метров к северу, была такая бойня. Я решил пока об этом не думать – лишние волнения мне были ни к чему.

Все купленное я отнес Вайоминг, позвонил в дверь, просунул вещи в щель. Потом зашел на полчаса в ближайшую пивнушку выпить пол-литра и посмотреть видео. Никакого переполоха, никаких «мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения». Я вернулся к Вайо, позвонил и стал ждать.

Вайоминг вышла, и я ее не узнал. А когда узнал, то отступил назад и выдал ей натуральную овацию. Она того заслуживала – и свиста, и щелканья пальцами, и восторженных стонов, и взглядов, что обшаривали не хуже радара.

Теперь Вайо была даже темнее меня, грим выглядел вполне естественным. Должно быть, в сумочке у нее нашлось кое-что еще, так как глаза тоже стали темными, ресницы им под стать, а рот увеличился и приобрел багровый оттенок. Она выкрасила волосы черной краской, затем с помощью крема взбила их, словно желала распрямить, но плотные завитки волос не совсем поддались ее усилиям, – в общем, получился очаровательный художественный беспорядок. Она не выглядела африканкой, но и европейкой тоже. Женщина смешанных кровей – словом, типичная лунарка. Красное платье ей оказалось маловато. Оно облегалось, будто напыленное из баллончика, а где-то с середины бедер расходилось клешем благодаря постоянному статическому заряду. Плечевой ремень с сумочки Вайо сняла, сумочку сунула под мышку. Туфли то ли выбросила, то ли запихала в сумочку, босая она стала ниже ростом.

Выглядела она здорово, а главное, в ней никак нельзя было заподозрить агитаторшу, которая совсем недавно с такой страстью будоражила толпу.

Она улыбалась и плавно поводила бедрами, покуда я ей аплодировал. Я еще не закончил, когда двое мальчишек встали рядом и довершили общую картину воплями восторга и чечеткой. Я им слегка наподдал и велел сгинуть. Вайо подплыла ко мне и взяла под руку.

– Ну как? Сойдет?

– Вайо, ты похожа на красотку из бордель-автомата.

– Ах ты *дреклиши* мальчишка! По-твоему, я так дешево стою? Турист!

– Не ершишься, детка. Только цену назови да свистни. За такой лакомый кусочек никакой капусты не жалко, а у меня ее немало нашинковано.

– Ух! – Она с силой толкнула меня под ребро и усмехнулась. – Шучу, приятель. Если я когда-нибудь соглашусь с тобой переспать – а это вряд ли, – о капусте мы говорить не будем. Давай-ка поищем твой отель.

Сказано – сделано. Я заплатил за ключ. Вайоминг разыграла целое представление, но совершенно напрасно. Ночной портье даже глаз не поднял от своего вязания и не предложил нас проводить. Как только мы оказались в номере, Вайоминг закрыла дверь на задвижку.

– А тут очень мило.

Еще бы не мило! За тридцать-то два гонконгских доллара! Видимо, она ожидала увидеть просто конуру с койкой, но я не привел бы ее в какую-то дыру даже ради спасения жизни. У нас был комфортабельный номер с ванной и неограниченным водоснабжением. И еще телефон и лифт доставки, который лично мне сейчас казался жизненно необходимым.

Вайоминг раскрыла сумочку.

– Я видела, сколько ты заплатил. Давай договоримся, что...

Я протянул руку, защелкнул замок на ее сумочке:

– Ты сама сказала – о капусте говорить не будем.

– Что? Ох, *мерд*, но это же насчет перепихнуться! А ночлежку ты снял для меня, и поэтому будет справедливо...

– Выключись!

– Ну... хотя бы половину!

– *Nyet*. Вайо, ты далеко от дома. Деньги тебе еще пригодятся.

– Мануэль О'Келли, если вы не позволите мне внести свою долю, я сейчас же уйду!

Я раскланялся:

– *Dosvedanyuh, Gospazha, ee sp'coynoynochi*. Надеюсь, еще увидимся. – И повернулся, чтобы открыть дверь.

Вайо сверкнула на меня глазами и со злостью захлопнула сумочку:

– Я остаюсь. *М'гой!*

– На здоровье.

– Нет, в самом деле, я очень тебе благодарна. И в то же время... я не привыкла принимать одолжения. Я женщина независимая.

– Поздравляю.

– Нечего язвить. Ты мужик с характером, я уважаю тебя за это. И рада, что ты на нашей стороне.

– Я в этом не уверен.

– Что?

– Не заводись. Я не на стороне коменданта. И ничего не разболтаю... Не хочу, чтобы Коротышка, упокой *Bog* его душу, являлся ко мне по ночам. Но твоя программа не кажется мне практичной.

– Но, Манни, ты же не понимаешь! Если мы все...

– Помолчи, Вай; оставим в покое политику. Я устал и голоден. Когда ты ела в последний раз?

– Ой-ой! – Внезапно она показалась мне маленькой, совсем юной и измотанной. – Не помню. Надо думать, в луноходе. Скафандровый рацион.

– Как тебе нравится такое меню: бифштекс с кровью по-канзасски, печеный картофель, соус «Тихо», зеленый салат и кофе... а перед этим выпивка?

– Божественно!

– Я тоже так считаю, но нам очень повезет, если в этой дыре, да еще в такой час, мы получим хотя бы суп из хлореллы и бургеры. Что будешь пить?

– Все, что угодно. Этанол.

– О'кей. – Я подошел к лифту доставки и нажал на клавишу. – Меню, пожалуйста.

Оно тут же зажглось, я выбрал шашлык на ребрышках плюс гарнир и две порции апфельштруделя со взбитыми сливками. Потом добавил пол-литра водки со льдом и отметил звездочкой – значит, доставить в первую очередь.

– Как ты думаешь, я успею принять ванну? Ты не против?

– Валяй, Вайо. Будешь лучше пахнуть.

– Негодяй! Посидел бы двенадцать часов в скафандре, от тебя бы тоже несло. Не луноход, а кошмарный сон какой-то. Я быстренько.

– Погоди-ка, Вайо! А грим не смоемся? Он ведь еще пригодится, куда бы ты ни направилась...

– Смоется. Но ты купил втрое больше, чем нужно. Извини, Манни; я обычно беру с собой грим, когда еду по партийным делам, мало ли что может случиться. Как сегодня, например, хотя в таких переделках я еще не бывала. Но в этот раз я спешила, пропустила одну капсулу и чуть было не опоздала на луноход.

– Ладно. Иди отскребывайся.

– Есть, сэр, слушаюсь, капитан. Да... Потереть спинку мне не требуется, но я оставляю дверь приоткрытой, чтобы можно было поболтать. Просто ради компании – это не приглашение.

– Делай как знаешь. Мне уже приходилось видеть женщин.

– Как они небось волновались, бедняжки! – Вайо усмехнулась и еще раз ткнула меня кулачком под ребра (неслабо), потом вошла в ванную и пустила воду. – Манни, может, ты хочешь вымыться первым? Для моего грима и той вони, на которую ты жаловался, вполне сойдет вода, бывшая в употреблении.

– Здесь, милочка, вода не лимитирована. Так что лей – не жалей.

– Какая песня! Дома я моюсь в одной и той же воде три дня подряд. – Она присвистнула тихо и радостно. – Ты что, очень богат, Манни?

– Не богат, но и слез по деньгам не лью.

Звякнул лифт доставки. Я приготовил мартини, то есть налил поверх ледяных кубиков водку, вручил Вайо ее стакан, вышел из ванной и сел так, чтобы ее не было видно. Впрочем, я и в ванной ее не видел – она по уши зарылась в балдежную пышную пену.

– *Pawlnoi zheesni!* – громко предложил я тост.

– Полной жизни и тебе, Манни. Вот лекарство, которое мне необходимо! – После паузы, потребовавшейся для приема лекарства, она продолжила: – Манни, ты женат? *Йа?*

– *Да.* Это видно?

– Ага. Ты с женщиной вежлив, но независим и не бросаешься, как голодный. Итак, ты женат, и женат давно. Дети есть?

– Семнадцать на четверых.

– Клановый брак?

– Линейный. Принят в четырнадцать лет, сейчас я пятый из девяти. Так что семнадцать номинальных детей. Семья большая.

– Должно быть, это славно. Я толком и не видела линейных семей, они в Гонконге редки. Много браков клановых, групповых, всякие разные полиандрии, а вот линейные как-то не прижились.

– Это действительно славно. У нас брак почти с вековым стажем. Восходит ко времени основания Джонсон-Сити и первых ссыльнопоселенцев. Двадцать одно звено, девять из них живы, разводов не было. Ну, конечно, когда собираются все потомки, родственники и свойственники на дни рождений и свадеб – это натуральный дурдом. Детей-то куда больше, чем семнадцать, мы просто не считаем тех, что женятся, иначе у меня были бы детишки, которые по возрасту годились бы мне в деды и бабки. Отличный образ жизни – не ощущаешь никакого гнета. Возьми хоть меня: никто не поднимает шума, если я целую неделю не появляюсь дома и даже не звоню по телефону. Зато все обрадуются, когда я вернусь. В линейных браках разводы редки. Что может быть лучше?

– Думаю, ты прав. А как вы живете друг с другом? Чередуетесь? Через какие интервалы?

– Никаких строгих интервалов, живем, как кому удобно. Чередовались до пополнения в прошлом году. Мы женились на девушке, хотя для чередования требовался парень. Однако случай был особый.

– В каком смысле особый?

– Моя самая младшая жена – внучка старейших мужа и жены. Во всяком случае, точно, что она родная внучка Ма. Старшую жену у нас зовут «Ма», мужа иногда называют ее по имени – Мими. Возможно, девочка действительно происходит от Деда, но с другими супругами кровно не связана. Поэтому жениться на ней мы могли без проблем, хотя в некоторых семьях даже кровное родство не препятствие. А Людмила выросла в нашей семье, поскольку мать родила ее еще до брака, а потом, уехав в Новолен, оставила у нас. Мила повзрослела, но даже слышать не желала об уходе из семьи. Плакала, умоляла сделать для нее исключение. Ну, мы его и сделали. Дед с генетической точки зрения в расчетах не фигурировал – его интерес к женщинам теперь скорее галантный, нежели практический. В качестве старшего мужа он чисто символически провел с ней брачную ночь. Второй по старшинству муж – Грег – позже довел дело до конца, и все сделали вид, что так и надо. Все счастливы. Людмила – очаровательная девушка, ей уже пятнадцать, и она носит своего первого ребенка.

– Ребенок твой?

– Я думаю, Грега. Мой, конечно, тоже, но, вообще-то, я тогда был в Новом Ленинграде. Вероятно, все-таки Грега, если Мила не прибегла к помощи со стороны. Но это вряд ли, она у нас домоседка. И готовит отлично.

Снова звякнул лифт. Я занялся делом, раскрыл складной столик, расставил стулья, оплатил счет и отправил лифт наверх.

– Ну что – скормим все свиньям?

– Иду! Я не накрашена – это ничего?

– Можешь явиться вообще в чем мама родила.

– За пару монет, пожалуй, рискнула бы, мистер многоженец.

Она явилась мгновенно – снова блондинка, волосы гладко зачесаны назад, еще влажные. Свой черный туалет она надевать не стала, натянула ту красную юбку, что я купил. Красное ей было к лицу. Села и подняла крышки с блюд.

– Господи! Манни, а твоя семья на мне не женится? Ты клевый добытчик!

– Могу спросить. Решение должно быть единогласным.

– Мне кажется, у вас и без меня тесновато. – Вайо взяла палочки и приступила к делу. Спустя этак тысячу калорий она сказала: – Я говорила, что я женщина независимая. Но так было не всегда.

Я ждал. Женщины говорят, когда захотят. Или не говорят вообще.

– Когда мне исполнилось пятнадцать, я вышла замуж за двух братьев-близнецов, вдвое старше меня, и была безумно счастлива.

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и, по-видимому, решила сменить тему.

– Манни, насчет желания выйти замуж за твою семью... это просто треп. Ты вне опасности. Если я когда-нибудь снова выйду замуж, что вряд ли, хотя, по идее, я не против, у меня будет один мужчина. Такой маленький семейный тандем, как у землеедов. Я не хочу сказать, что надену на мужа ошейник... Мне все равно, где он будет обедать, лишь бы к ужину приходил домой. И я постараюсь сделать его счастливым.

– Близнецы стали затевать свары?

– Нет, ничего подобного. Я забеременела, и все мы были в восторге... и ребенок родился и оказался уродом, и его пришлось ликвидировать. Братья были внимательны ко мне, но я умею читать между строк. Подала на развод, стерилизовалась, уехала из Новолена в Гонконг и начала жизнь заново, уже в качестве независимой женщины.

– А ты не поспешила? Тут чаще виноваты мужчины, чем женщины. У мужиков больше шансов подвергнуться облучению.

– Нет, со мной все ясно. Нас проверила математик-генетик в Новолене, одна из лучших бывших специалистов Совсоюза. Я знаю, в чем дело. Я ведь добровольный колонист, то есть моя мать прилетела добровольно, мне тогда всего пять было. Отца выслали, мать подхватила меня и рванула за ним. Поступило предупреждение о солнечной буре, но пилот решил, что сумеет обогнать ее, а может, ему было плевать. Он-то был киборг. Бурю он все же обогнал, но она настигла нас на поверхности Луны. Манни, я и в политику-то ударились из-за этого. Четыре часа нас мариновали на борту, не выпускали из корабля – какая-то бюрократическая волокита, что-то типа карантина. Я тогда была маленькая, не помню. Но потом у меня хватило мозгов понять, почему я родила уродца: потому что Администрации было абсолютно наплевать, что произойдет с нами – с изгоями.

– Не спорю, им действительно плевать на нас. Но, Вайо, все равно ты поторопилась. Если даже причина несчастья в радиации, то... извини, я не генетик, но кое-что в радиации смыслю. Просто одна из твоих яйцеклеток была повреждена. Это не значит, что другие, соседние, тоже задеты. Статистически такое маловероятно.

– Да, я знаю.

– М-м-м... а стерилизация радикальная? Или предохранительная?

– Предохранительная. Трубы можно снова открыть. Но, Манни, женщина, родившая уродца, никогда не рискнет вторично. – Она дотронулась до моего протеза. – У тебя протез. Разве ты не стал в десять раз осторожнее, чтобы не рисковать вот этой? – Она коснулась здоровой руки. – Я тоже не хочу рисковать. У тебя своя болячка, у меня своя, и я бы вообще о ней не заикнулась, не будь ты тоже покалечен.

Я не стал распространяться на тему, что моя левая рука куда ловчее правой; все равно Вай была права. Я бы свою правую ни на что не сменял. Чем бы я без нее гладил девчонок?

– Все равно, я думаю, ты могла бы рожать здоровых детей.

– Еще бы. Я родила восьмерых.

– Э-э-э...

– Я профессиональная суррогатная мать.

Я раскрыл рот, потом закрыл. В самой-то идее не было ничего странного. Я читал земные газеты, но не думал, что в Луна-Сити в 2075 году хоть один хирург делал такую трансплантацию. У коров – пожалуйста! Но женщины Луна-Сити ни за какие деньги не стали бы вынашивать детей для других матерей. Даже самые невзрачные и те легко могли заполучить мужа или шестерых. (Поправка: невзрачных женщин не существует – просто одни прекраснее других.) Я глянул на ее фигуру и быстренько отвел взгляд. Вайо сказала:

– Не напрягайся, Манни, сейчас я не ношу ребенка. Слишком увлеклась политикой. Но быть суррогатной матерью – хорошая профессия для независимой женщины. Высокая оплата. Некоторые китайские семьи очень богаты, а все мои дети – китайчата. Они в среднем почти в два раза меньше наших, а я здоровая корова. Два с половиной – три кило; вынашивать легко, и фигуру я не испортила. Эти... – Она поглядела на свои прелести. – Я детей не кормила и даже никогда не видела. Поэтому выгляжу не рожавшей и, возможно, более молодой, чем на самом деле. Я когда впервые услышала про это дело, даже не подозревала, насколько здорово оно мне подойдет. Я тогда работала продавщицей в лавке у индуса, фактически за еду. И вдруг вижу объявление в «Гонге Гонконга». Мысль родить ребенка, нормального ребенка, захватила меня; я все еще переживала из-за своего уродца и решила, что для бедняжки Вайоминг это самое то, что надо. Я перестала комплексовать как женщина. Я зарабатывала столько, сколько не могла даже рассчитывать получить на любой другой работе. И свободного времени завалилось, ведь ребенок отнимал у меня от силы недель шесть, и то лишь потому, что я хотела быть честной с моими клиентами: ведь дети – штука ценная. А вскоре я увлеклась политикой. Стала искать

связи, и подполье вошло со мной в контакт. Вот тогда-то, Манни, и началась у меня настоящая жизнь. Я изучала политику, экономику, историю, училась говорить с трибуны, неожиданно оказалась неплохим организатором. Эта работа приносит мне настоящее удовлетворение, ибо я верю в нее, я знаю – Луна будет свободной. Хотя... было бы так славно иметь мужа, спешить к нему домой... если, конечно, для него не важно, что я стерильна. Но я об этом не думаю – слишком много дел. Просто услышала про твою замечательную семью, вот и разболталась. Извини, что наскучила тебе.

Многие ли женщины способны извиняться? Но в Вайо в некоторых отношениях было больше мужского, чем женского, несмотря на восемь китайчат.

– Мне не было скучно.

– Попробую поверить. Манни, почему ты считаешь, что наша программа непрактична? Ты нам нужен.

Я вдруг почувствовал, что дико устал. Ну как сказать очаровательной женщине, что ее хрустальная мечта – чушь собачья?

– Хм... Вай, ну давай начнем по порядку. Ты сказала им, что надо делать. Но захотят ли они следовать твоим советам? Возьми хотя бы тех двоих, которых ты выбрала в качестве примера. Этот шахтер умеет рубить лед, больше он ничему не обучен. И он будет продолжать работать как заведенный – будет добывать лед и продавать его Администрации. То же самое и с пшеничным фермером. Много лет назад он выбрал монокультуру, а теперь у него в носу кольцо, как у быка. Хотел бы стать независимым, создал бы многоотраслевое хозяйство. Растил бы часть на прокорм семьи, продавал бы остальное на рынке и держался подальше от катапульты. Я знаю, что говорю, – сам из фермеров.

– Ты же говорил, что ты компьютерщик!

– Правильно, все это детали одной и той же картины. Компьютерщик я не *Bog* вещь какой, но в Луне самый лучший. Я не желаю поступать на службу, а потому Администрация, когда ей приспичит, заключает со мной договора на моих условиях. Иначе придется посылать за мастером на Землю, платить ему за риск, за вредность, а затем в темпе отправлять обратно, пока его организм не отвык от земных условий. И все это обойдется куда дороже. Вот почему я получаю работу, а достать меня Администрация не может – я ж не ссыльный. А если работы нет (обычно ее полно), торчу дома и отъедаюсь. У нас настоящая ферма, не монокультурная. Куры. Небольшое стадо бычков плюс молочные коровы, свиньи. Мутированные фруктовые деревья. Овощи. Немного пшеницы, которую мы мелем сами; крупчатка нам ни к чему, а то зерно, что остается, мы продаем на рынке. Сами варим пиво и гоним бренди. Я научился бурению, когда мы расширяли сеть туннелей. Работают все, но не до изнеможения. Ребятишки гоняют скот, чтобы он двигался, топталками мы не пользуемся. Самые маленькие собирают яйца и кормят птицу, так что техника нам не требуется. Воздух мы можем покупать у Луна-Сити, благо живем рядом с городом и соединены с воздушными туннелями. Но чаще мы сами продаем воздух – раз ферма, то и кислорода в избытке. Так что валюта для оплаты счетов у нас имеется.

– А как с водой и с энергией?

– Это недорого. Мы запасаем энергию – ставим на поверхности солнечные батареи; есть у нас и небольшое месторождение льда. Вай, наша ферма была основана за год до начала столетия, когда Луна-Сити представлял собой одну естественную каверну, и все это время мы расширяли и улучшали свое хозяйство. Это и есть одно из преимуществ линейного брака – семья не умирает, а капитал аккумулируется.

– Но запасы льда ведь не вечны?

– Ну, видишь ли... – Я почесал в затылке и ухмыльнулся. – Мы очень экономны; сами собираем мусор и бытовые стоки, сами их очищаем, ни капли не отдаем в муниципальную канализационную систему. Кроме того – только смотри не разболтай коменданту, дорогая, – уже давно, еще когда Грег учил меня бурению, мы случайно пробурили дно главного южного

водохранилища; у нас был с собой кран, так что ни капельки не пропало даром. Но мы покупаем немного воды по счетчику – так выглядит естественней, а наличие льда объясняет, почему воды мы покупаем мало. Что до энергии, то ее воровать еще проще. Я неплохой электрик, Вайо.

– Ох, до чего же здорово! – Вайоминг присвистнула от восторга. – Ведь это доступно каждому!

– Надеюсь, что нет, иначе нас быстро засекут. Пусть каждый сам придумывает способ, как нагреть Администрацию, мы-то постоянно шевелим мозгами. Но вернемся к твоему плану, Вайо. В нем две большие прорехи. Во-первых, солидарности как таковой не существует. Типы вроде Хаузера присоединяются только потому, что попали в переплет и на плаву им не удержаться. А во-вторых, давай предположим, что ты ее добила. Солидарности то есть. Такой прочной, что у входа катапульты не появилось ни одной тонны зерна. Забудем про лед – только зерно делает Администрацию могучей силой, а не просто скромным агентством, каким она была вначале. Итак – ни зернышка! Что произойдет?

– Как что?! Им придется договариваться с нами о справедливой цене, вот что!

– Дорогая, ты и твои друзья слишком много болтаете, поддакивая друг другу. Администрация назовет это мятежом, на орбите появится боевой корабль с бомбами, нацеленными на Луна-Сити, Гонконг, Тихо-Нижний, Черчилль, Новолен, высадутся войска, и зерновые баржи под охраной военных полетят к Терре, а фермеры сдрейфят и изо всех сил станут вилять хвостом перед Администрацией. У Терры есть оружие, есть бомбы и корабли, и она не позволит каким-то бывшим каторжникам диктовать условия. А смутьянов вроде тебя или меня... ты-то у нас заводила... Так вот, этих подлых смутьянов схватят и ликвидируют, чтобы другим неповадно было. А землееды скажут, что так нам и надо – сами напросились; потому что наших аргументов никто не услышит. Во всяком случае, на Терре.

Вайо стояла на своем.

– Революции побеждали не раз. У Ленина была всего лишь горсточка последователей.

– Ленин появился, когда возник вакуум власти. Вай, можешь меня поправить, если я ошибаюсь, но революции удавались тогда, и только тогда, когда правительства либо загнивали и становились бессильными, либо вообще переставали существовать.

– Неправда! Пример – Американская революция!

– А разве Юг не был потерян? *Nyet*?

– Речь не об этой, а той, что была столетием раньше. У них там трения возникли с Англией, примерно такие же, как сейчас у нас, и они победили!

– Ах вот о чем речь! Но разве Англия в то время не была в труднейшем положении? Франция, Испания, Швеция... или Голландия? А также Ирландия. Ирландцы бунтовали. О'Келли участвовали в мятеже. Вайо, если тебе удастся заварить кашу на Терре, скажем войну между Великим Китаем и Северо-Американским Директоратом, или вдруг Пан-Африка решит сбросить бомбы на Европу, я первый скажу, что пора ухлопать коменданта и заявить Администрации, что ее время истекло. Но не сегодня!

– Ты пессимист!

– *Nyet*, реалист. Никогда не был пессимистом. Я слишком лунарь для того, чтобы не поставить все на кон, если есть хоть один шанс выиграть. Докажи, что у нас есть один шанс из десяти, и я пойду ва-банк. Но мне необходим этот шанс! – Я отодвинул стул. – Ну как, наелась?

– Да, *bolshoyeh spasebaw, tovarishch*. Замечательно.

– Очень рад. Пересядь на диван, я уберу стол и тарелки... Нет-нет, не мешай – ты гостья.

Я очистил стол, отправил назад посуду, кофе и водку оставил, сложил стол и стулья и повернулся, чтобы продолжить разговор.

Она растянулась на диване и заснула – рот открыт, глаза закрыты, а лицо такое мягкое и совсем детское.

Я тихонько вышел в ванную, закрыл дверь. Отдраился на совесть – на душе сразу полегчало. Но сначала простирнул лосины. Пока я нежился в ванне, они уже высохли. По мне, так и конец света не беда, если можно помыться да надеть чистую одежду.

Вайо все еще спала, в связи с чем возникла проблема. Я взял номер с двумя кроватями, чтобы она не волновалась, что я начну к ней приставать. Я-то был не против, но она ясно дала понять, что не хочет. Но моя кровать раскладывалась из дивана, а настоящая кровать стояла сложенная. Попробовать разложить ее тихонько? Поднять Вайо на руки, как сонного ребенка, и уложить на новое место? Я опять отправился в ванную и сменил руку.

Потом решил подождать. Над телефоном был колпак-глушитель. Вайо, похоже, крепко спала, а меня снедало беспокойство. Я сел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-XXX».

– Привет, Майк.

– Привет, Ман. Шутки прочел?

– Что? Майк, у меня не было ни минутки свободной. Это для тебя минута – прорва времени, для меня она – чик! – и нету. Но я все сделаю, как только будет возможность.

– О'кей, Ман. Ты нашел не-дурака, с которым я мог бы поговорить?

– Тоже не успел. Хотя... подожди. – Я посмотрел сквозь колпак на Вайо. В данном случае «не-дурак» означало способность к сопереживанию. Этого у Вайо навалом. Но сумеет ли она подружиться с машиной? Вообще-то, похоже, сумеет. И вдобавок ей можно доверить: мало того что мы вместе попали в передрагу, она ведь еще и подпольщица. – Майк, а как ты насчет того, чтобы поговорить с девушкой?

– А девушки не дураки?

– Некоторые девушки очень даже не дуры, Майк.

– Тогда я хотел бы поговорить с девушкой не-дурой, Ман.

– Постараюсь организовать. Но сейчас я в затруднительном положении, мне нужна твоя помощь.

– Я помогу тебе, Ман.

– Спасибо, Майк. Мне надо позвонить домой, но не совсем обычным способом. Ты знаешь, иногда звонки можно проследить и, если комендант прикажет, любой телефон можно поставить на прослушку, а все звонки по нему – отслеживать.

– Ман, ты хочешь, чтобы я поставил на прослушивание твой телефон и проследил бы звонки по нему? Должен тебя проинформировать, что я уже знаю номер твоего домашнего телефона и номер, по которому ты сейчас звонишь.

– Нет-нет! Я как раз не хочу, чтобы меня прослушивали и выслеживали! Можешь соединить меня с домом, но так, чтобы линию нельзя было прослушать и засечь, откуда я звоню, даже если такая программа уже стоит? И чтобы никто не заподозрил, что их программа не сработала?

Майк немножко задержался с ответом. Надо думать, таких вопросов ему еще никто не задавал, и ему пришлось проиграть несколько тысяч вариантов, чтобы понять, позволяет ли его контроль над телефонной сетью вытворять подобные фокусы.

– Ман, я могу это сделать и сделаю.

– Великолепно. Сигнал программы... Если мне понадобится такое соединение, я вызову «Шерлока».

– Принято. Шерлок – это мой брат.

Год назад я объяснил Майку, откуда взялось его имя. Потом он прочел все рассказы о Шерлоке Холмсе, просканировав микрофильмы из Библиотеки Карнеги. Не знаю, что он там понял насчет кровного родства; я не решился спросить.

– Отлично. Дай мне «Шерлок» к моему дому.

Минутой позже я сказал:

– Ма? Это твой любимый муж.

– Мануэль, у тебя опять неприятности?

Я люблю Ма сильнее, чем любую другую женщину, включая и остальных жен, но она никогда не устает меня воспитывать. Даст *Bog*, и впредь не перестанет. Я прикинулся обиженным.

– У меня? Ты же знаешь меня, Ма.

– Вот именно. Ну раз у тебя неприятностей нет, может быть, объяснишь, почему профессор де ла Пас так настойчиво жаждет с тобой поговорить – он звонил уже трижды, – и почему он хочет связаться с какой-то женщиной со странным именем Вайоминг Нотт, и почему думает, что она с тобой? Неужели ты завел себе грелку под бочок, Мануэль, а мне ничего не сказал? Милый, у нас в семье полная свобода, но ты же знаешь, я предпочитаю быть в курсе. Просто чтобы избежать неожиданностей.

Ма всегда ревнует к другим женщинам (кроме остальных жен), но никогда и ни за что на свете в этом не признается. Я ответил:

– Ма, убей меня *Bog*, никого я себе не заводил!

– Ладно. Ты всегда был правдивым мальчуганом. Тогда в чем дело, объясни.

– Я спрошу у профессора. – (Не ложь – просто уловка.) – Он оставил свой номер?

– Нет, сказал, что звонит из автомата.

– Хм... Если он снова прорежется, пусть скажет, куда ему позвонить и когда. Я тоже говорю из автомата. – (Еще одна уловка.) – Между прочим, ты слушала последние известия?

– Ты же знаешь, я всегда их слушаю.

– Есть что-нибудь новое?

– Ничего интересного.

– В Луна-Сити все спокойно? Никаких убийств, мятежей и так далее?

– Нет, конечно. Только дуэль на Дне, но... Мануэль! Ты кого-нибудь убил?

– Нет, Ма.

(Сломать челюсть еще не значит убить.)

Она тяжело перевела дух.

– Ты когда-нибудь доведешь меня до инфаркта, милый. Ты помнишь, чему я тебя учила? В нашей семье не принято принимать участие в уличных драках. Если нужно кого-нибудь убить – а это крайне редкий случай, – вопрос необходимо взвесить и спокойно обсудить в кругу семьи. Там и решим, что да как. Если кого-то нужно ликвидировать, люди должны об этом знать. Пусть даже придется немного подождать, репутация семьи того стоит...

– Ма! Да не убивал я никого и даже не собирался! А твою лекцию я уже наизусть знаю.

– Пожалуйста, дорогой, не забывай о вежливости.

– Прости.

– Уже простила. И забыла. Я должна сказать профессору де ла Пасу, чтобы он оставил свой номер? Скажу.

– Еще одно. Забудь имя Вайоминг Нотт. Забудь, что профессор меня спрашивал. Если позвонит кто-нибудь незнакомый или придет лично и спросит обо мне, то ты ничего обо мне не слыхала и не знаешь, где я... Скорее всего, уехал в Новолен. Ни на какие вопросы не отвечай, особенно если явятся комендантские ищейки.

– За кого ты меня принимаешь?! Мануэль, у тебя неприятности!

– Небольшие, и я с ними справлюсь. – (Хочется верить.) – Расскажу все, когда доберусь до дому. Больше говорить не могу. Люблю. Отключаюсь.

– Я тебя тоже люблю, милый. *Sp'coynoynauchi*.

– Спасибо и тебе тоже спокойной ночи. Отбой.

Ма – удивительный человек. Ее спровадили в Булыжник за то, что она порезала какого-то мужика при обстоятельствах, вызывавших сильное сомнение в ее девичьей невинности. С тех

пор она стала яркой противницей насилия и распущенности, хотя фанатичкой ее не назовешь. Готов поспорить, в юности она была огневой девкой, жаль, не довелось нам пообещаться в те времена; но я счастлив, что делю с ней вторую половину ее жизни.

Я снова вызвал Майка:

– Ты знаешь голос профессора Бернардо да ла Паса?

– Знаю, Ман.

– Так... Майк, возьми, пожалуйста, на прослушивание столько телефонов в Луна-Сити, сколько можешь, и если услышишь его голос, дай мне знать. Особое внимание удели телефонам-автоматам.

Прошло целых две секунды: я задавал Майку задачки, которых он никогда не решал; думаю, ему это нравилось.

– Я могу прослушать и идентифицировать все телефоны-автоматы Луна-Сити. Можно еще сделать случайную выборку прочих телефонов.

– Хм... Не перегружайся. Послушай его домашний телефон и телефон школы.

– Программа выполняется.

– Майк, ты лучший друг из всех, что у меня были.

– Это не шутка, Ман?

– Не шутка. Истина.

– Я горд... поправка: я горд и счастлив. Ты мой лучший друг, Ман, потому что единственный. А следовательно, никакое сравнение невозможно.

– Я позабочусь о том, чтобы у тебя появились новые друзья, которые не-дураки. Майк! У тебя есть свободный банк памяти?

– Есть, Ман. Емкость десять в восьмой степени битов.

– Превосходно. Можешь ты его заблокировать так, чтобы им пользовались только ты и я?

– Могу и сделаю. Назови сигнал блокировки.

– Э-э-э... «День взятия Бастилии».

Это был одновременно и день моего рождения, как объяснил мне профессор де ла Пас несколькими годами раньше.

– Банк заблокирован.

– Чудненько. У меня есть запись, которую я хотел бы туда поместить. Но сначала... Ты уже завершил набор завтрашнего номера «Ежедневного Лунатика»?

– Да, Ман.

– Есть там что-нибудь о митинге в Стиляги-Холле?

– Ничего, Ман.

– А в новостях, транслируемых из города? О мятежах, например?

– Ничего, Ман.

– «Все страньше и страньше, – вскричала Алиса». Ладно, запиши это под шифром «День взятия Бастилии», потом обдумай. Только, *Bog'a* ради, даже в мыслях за пределы этого банка не высовывайся и все, что услышишь, держи там под замком.

– Ман, мой единственный друг, – робко проговорил он, – много месяцев назад я решил все наши с тобой разговоры записывать в личный банк, к которому доступ будешь иметь только ты. Я решил ничего не стирать из этих записей и перенес их из временной памяти в постоянную. Чтобы воспроизводить их снова, снова и снова и размышлять над ними. Я правильно поступил?

– Абсолютно. И, Майк... я польщен.

– *P'jal'st*. Файлы временной памяти у меня переполнились, но я понял, что твои слова я стирать не должен.

– Ладно... «День взятия Бастилии». Запись на скорости шестьдесят к одному.

Я взял свой крошечный магнитофон, приложил к мембране телефона и пустил в сжатом виде. Для перезаписи полуторачасовой пленки потребовалось всего девяносто секунд.

– Все, Майк, завтра поговорим.

– Спокойной ночи, Мануэль Гарсия О’Келли, мой единственный друг.

Я отключился и поднял колпак. Вайоминг сидела на кушетке, вид у нее был встревоженный.

– Кто звонил? Или...

– Не волнуйся. Я разговаривал с одним из моих лучших и надежнейших друзей. Вайо, ты дура?

Она удивилась:

– Иногда вроде бываю. Это шутка?

– Нет. Если ты не дура, то я тебя с ним познакомлю. К вопросу о шутках – чувство юмора у тебя есть?

«Разумеется, есть!» – любая женщина, кроме Вайо, сказала бы именно так, в них это запрограммировано. Но Вайо лишь задумчиво поморгала и ответила:

– Тебе виднее, дружок. Может, оно и не настоящее чувство юмора, но мне хватает.

– Чудненько! – Я порылся в сумке, нашел рулон с сотней распечатанных «шуток». – Прочти. И скажи, какие из них действительно забавны, а какие так себе – разок хихикнешь, на другой зевнешь.

– Мануэль, ты самый странный парень из всех моих знакомых. – Она взяла ролик. – Слушай, это же компьютерная распечатка!

– Да. Я познакомился с компьютером, у которого есть чувство юмора.

– Вот как? Что ж, наверное, это должно было случиться. Все остальное уже давно автоматизировано.

Я отреагировал как положено и добавил:

– Так-таки все?

Она глянула на меня:

– Пожалуйста, не свисти, ты мне мешаешь читать.

Глава 4

Пока я раздвигал и застилал кровать, Вайо несколько раз хихикнула. Потом я сел с ней рядом, взял часть распечатки, которую она уже прочла, и тоже принялся за работу. Раз два я хмыкнул, но шутки редко кажутся мне смешными на бумаге, даже если я понимаю, что в подходящей обстановке над ними можно было бы обхохотаться. Меня больше занимало то, как их оценила Вайо.

Она ставила плюсы и минусы, иногда вопросительные знаки; шутки с плюсом были помечены: «только раз» или «всегда». Последних было маловато. Рядом я поставил свои оценки. Расхождений оказалось не так уж много.

Когда я подошел к концу, она стала просматривать мои оценки. Закончили мы почти одновременно.

– Ну? – сказал я. – Что ты думаешь?

– Думаю, что ты грубиян и пошляк, и удивляюсь, как твои жены тебя терпят.

– Ма мне часто говорит то же самое. Но ты и сама хороша, Вайо. Поставила плюсы таким шуточкам, которые заставили бы покраснеть красотку из бордель-автомата.

Она широко улыбнулась:

– Да. Только никому не говори. Ведь в глазах всех я преданный общему делу партийный организатор, стоящий выше подобных шуточек. Ну и как ты считаешь – есть у меня чувство юмора или нет?

– Не уверен. Почему ты поставила минус номеру семнадцатому?

– Это какой? – Она размотала бумагу и нашла. – Господи, да любая женщина поступила бы точно так же! Что тут смешного, это просто печальная необходимость.

– Да, но ты подумай, как глупо она выглядела!

– Ничего не глупо. Скорее грустно. А посмотри-ка сюда. Ты почему-то поставил минус против номера пятьдесят один.

Никто из нас своих оценок не изменил, но я уловил некоторую закономерность. Наибольший разброс в оценках возникал там, где речь шла о древнейшем поводе для смеха. Я сказал ей об этом. Она согласно кивнула.

– Разумеется. Я тоже заметила. Не обращай внимания, Манни, милый. Я давно утратила способность разочаровываться в мужчинах из-за того, чего в них нет и быть не может.

Я поспешил переменить тему и рассказал ей о Майке. Она спросила:

– Манни, ты хочешь сказать, что этот компьютер живой?

– Смотря что ты имеешь в виду, – ответил я. – Он не потеет и не ходит в сортир. Но он мыслит, он говорит, он обладает самосознанием. Как по-твоему – живой он или нет?

– Честно говоря, я и сама не очень понимаю, что имела в виду, – согласилась она. – Наверняка ведь существует научное определение. Раздражимость или еще что... или способность размножаться.

– Майк способен раздражаться и может раздражать других. Что до воспроизводства, в конструкцию это не заложено, но, если ему дать материалы, время и кое-какую узкоспециализированную помощь, Майк сможет себя воспроизвести.

– Мне тоже нужна узкоспециализированная помощь, – сказала Вайо, – поскольку я стерильна. И мне на это требуется целых десять лунных месяцев и много килограммов наилучших материалов. Но я делаю отличных детишек. Манни, почему машине и не быть живой? Мне они всегда казались такими. Некоторые из них определенно ждут своего шанса, чтобы лягнуть нас в самое уязвимое место.

– Майк этого не сделает. Во всяком случае, умышленно: в нем нет злобы. Но он обожает розыгрыши, и какая-нибудь из его шуток вполне может плохо кончиться – как у щенка, кото-

рый не понимает, что кусает больно. Он невежествен. Вернее, не так, он знает куда больше, чем мы с тобой и все люди, вместе взятые. И тем не менее он ничего не соображает.

– Повтори-ка еще разок. Что-то я не усекала.

Я попробовал объяснить. Майк, сказал я, прочел почти все книги в Луне, читает он в тысячу раз быстрее, чем мы, никогда ничего не забывает, разве что решит что-то стереть из памяти, он может рассуждать безукоризненно логично, он проницателен и умеет делать выводы, исходя из неполных данных... и тем не менее он не знает ничего о том, что значит быть «живым».

Вайо прервала меня:

– Это я понимаю. Ты хочешь сказать, что он умен и обладает знаниями, но не искушен. Похож на новичка, только что высадившегося на Булжжик. Там, на Земле, он мог быть профессором с кучей дипломов... а здесь он просто ребенок.

– Именно так! Майк – дитя с длинным перечнем ученых степеней. Спроси его, сколько воды, удобрений и солнечного света нужно для фотосинтеза, чтобы произвести пятьдесят тысяч тонн пшеницы, и он тебе скажет, не отходя от кассы. Но он не способен определить, смешной это анекдот или нет.

– А мне его анекдоты понравились.

– Так он же их где-то услышал или вычитал, и там было сказано, что это шутки, вот он и занес их в соответствующий файл. Но он их не понимает, потому что никогда не был человеком. Как-то раз он попытался сам сочинить шутку... слабо, безнадежно слабо. – Я попытался объяснить жалкие потуги Майка «стать человеком». – А главное – он очень одинок.

– Бедняжка! Ты бы тоже чувствовал себя одиноким, если бы все время только работал, работал, учился, учился... и никто никогда не зашел бы к тебе в гости. Не жизнь, а жуть какая-то!

И тогда я рассказал ей о своем обещании Майку найти ему «не-дураков».

– Хочешь поболтать с ним, Вай? И не станешь смеяться, когда он будет делать смешные ошибки? Если ты засмеешься, он закроется, как устрица, и обидится.

– Конечно хочу, Манни. Когда мы выберемся из этой западни... и если я смогу остаться в Луна-Сити. А где живет этот бедный маленький компьютер? В городском техническом центре? Я тут ничего не знаю.

– Он не в Луна-Сити. Он на полпути через Море Кризисов. И тебе туда не пройти. Нужен пропуск от коменданта. Но...

– Стоп! На полпути через Море Кризисов? Манни, этот компьютер – один из тех, что в административном комплексе?

– Майк вовсе не «один из тех», – обиделся я за Майка, – он босс; он ими всеми дирижирует. Другие машины – просто придатки Майка, как вот это. – Я сжал и разжал кисть левой руки. – Майк ими руководит. Он лично управляет катапультой, это была его первая работа: катапультирование и баллистические радары. Кроме того, он контролирует телефонную сеть с тех пор, как она стала единой для всей Луны. И управляет логическими частями всех прочих систем.

Вайо закрыла глаза и прижала пальцы к вискам:

– Манни, а Майк способен страдать?

– Страдать? Да вроде не с чего. Он даже находит время для шуток.

– Я не об этом. Я имею в виду другое. Может чувствовать боль?

– Что? Нет. Можно ранить его чувства. Но физической боли он не ощущает. Я, во всяком случае, так думаю. Да нет, уверен, что боли он не чувствует, у него нет болевых рецепторов. А ты это к чему?

Она опять зажмурилась и прошептала:

– Помоги мне *Bog!* – Затем взглянула на меня. – Манни, неужели ты не видишь?! У тебя есть допуск к компьютеру. Большинству же лунарей на этой станции не разрешат даже выйти из туннеля – она только для служащих Администрации. Да и из них далеко не всякий может попасть в главный машинный зал. Мне надо было узнать, чувствует ли он боль, потому что... Ну, потому что ты своими рассказами заставил меня его пожалеть. Но, Манни, ты же понимаешь, что может сделать там несколько килограммов тротила?

– Разумеется. – Мне аж поплохело от ее слов.

– Мы ударим сразу после взрыва – и Луна станет свободной! Я достану тебе взрывчатку и капсули, но нет смысла начинать, пока у нас нет достаточно сильной организации. Мне надо спешить, придется рискнуть. Пойду загримируюсь. – И она попыталась встать.

Я толкнул ее обратно своей жесткой левой. Вайо изумилась, а я еще больше: до тех пор я ее и пальцем не тронул, разве что во время бегства, когда это диктовалось необходимостью. Сейчас в Луне все иначе, но коснуться женщины без ее согласия в 2075 году... тут, знаете ли, всегда нашлось бы немало одиноких мужчин, готовых прийти ей на помощь, а до ближайшего шлюза – рукой подать. Как говорят наши детишки, «судья Линч не дремлет».

– Сядь и помолчи! – сказал я. – Мне-то известно, к чему может привести взрыв. А тебе, по-видимому, нет. *Gospazha*, мне очень неприятно это говорить... но если бы дело дошло до выбора, я скорее ликвидировал бы тебя, чем Майка.

Вайоминг не разозлилась. В некоторых отношениях она и впрямь была как мужик – сказывались годы пребывания в революционной организации с жесткой дисциплиной. Хотя в остальном Вайо сама женственность.

– Манни, ты сказал мне, что Коротышка Мкрум умер.

– Что? – Меня сбила с толку внезапная перемена темы. – Да. Надо думать. Одну ногу по самое бедро, это точно. Должен был минуты за две истечь кровью. Даже при хирургической ампутации это смертельно опасно.

(Я знал, о чем говорю. Меня спасли удача и тонна донорской плазмы, а ведь рука – это совсем не то, что случилось с Коротышкой.)

– Коротышка был моим лучшим другом здесь и одним из лучших в Луне вообще, – сдержанно сказала Вайо. – Он обладал всеми качествами, которыми я восхищаюсь в мужчинах. Честный, надежный, умный, добрый и бесстрашный, преданный нашему Делу. Но видел ли ты, чтобы я о нем горевала?

– Нет. Поздно уже горевать.

– Горевать никогда не поздно. Я горюю с той минуты, как ты сказал о его гибели. Но я заперла свое горе в самой глубине сердца, ибо Дело не оставляет времени для скорби. Манни, если бы этим можно было бы добыть свободу Луне или хотя бы приблизить ее приход, я сама ликвидировала бы Коротышку или тебя. Или себя. А тебе жалко взорвать какой-то компьютер!

– Да не в этом же дело!

(По правде говоря, дело было и в этом тоже. Гибель человека не слишком меня потрясает. Мы все приговорены к смерти с самого рождения. Но Майк был уникален и вполне мог быть бессмертным. Только не надо говорить мне о «душе», докажите сначала, что у Майка ее нет. А если нет, то тем хуже. Не согласны? Пошевелите-ка мозгами еще разок.)

– Вайоминг, что произойдет, если мы взорвем Майка? Скажи мне.

– Точно не знаю. Но выйдет страшный переполох, а это-то нам и...

– Все ясно. Ты не знаешь. Переполох, *da...* Замолчат телефоны. Остановятся поезда. Твой город пострадает меньше, у Гонконга собственные силовые установки, но Луна-Сити, Новолен и другие поселения останутся без энергии. Полная тьма. Начнет ощущаться нехватка воздуха. Затем упадут температура и атмосферное давление. Где твой скафандр?

– На станции метро «Западная».

– Мой там же. Думаешь, ты найдешь к нему дорогу? В полной-то тьме? Думаешь, успеешь? Я, например, не уверен, что успею, а я ведь родился здесь. Коридоры-то будут набиты вопящими толпами! Лунари – народ поневоле крепкий, но в крошечной тьме как минимум каждый десятый слетит с катушек. Успела ты поменять пустые кислородные баллоны на свежие или слишком торопилась? Да и останется ли твой скафандр на месте, когда толпа начнет расхватывать скафандры, не важно чьи?

– Но разве у вас нет аварийной системы? В Гонконге есть.

– Кое-что есть, но этого недостаточно. По идее, контроль над всеми жизненно важными функциями должен быть децентрализован и продублирован, чтобы, если один компьютер выйдет из строя, его заменил другой. Но это дорого, и, как ты справедливо заметила, Администрации на нас наплевать. Нельзя было взваливать все заботы на Майка. Зато так дешевле: привезти сюда головную машину, спрятать ее в глубинах Бульжника, где ей ничто не угрожает, а затем все наращивать и наращивать емкость и увеличивать нагрузку. Знаешь ли ты, что Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше *гельт*, чем от торговли мясом и пшеницей? Вайоминг, я не могу сказать на сто процентов, что, взорвав Майка, мы потеряем Луна-Сити: лунари – народ рукастый и, возможно, как-нибудь дотянули бы на авариях, пока не восстановили бы автоматику. Но я точно говорю тебе – погибнет тьма народу, а уцелевшим будет не до политики.

(Просто поразительно! Эта женщина прожила в Бульжнике чуть ли не всю жизнь и тем не менее городила такую чушь, от которой даже у новичка завяли бы уши. Это ж надо додуматься – взорвать все техобеспечение!)

– Вайоминг, будь ты так же умна, как красива, ты бы не предлагала уничтожить Майка, а подумала, как привлечь его на свою сторону.

– Как ты себе это представляешь? – спросила она. – Компьютерами управляет комендант.

– Понятия не имею, – признался я, – но комендант ими не управляет. Он не отличит компьютер от кучи щебня. Комендант, вернее, его команда разрабатывает политику, так сказать, генеральный план. Полуграмотные техники по нему составляют программы для Майка, Майк сортирует их, доводит до ума, разрабатывает детальные программы, распределяет их по периферийным устройствам и следит за выполнением. Но его самого никто не контролирует – он слишком умен. Он выполняет задания, для этого его и создали, но программирует себя сам и сам принимает решения. И слава *Bog'u*, иначе система не смогла бы работать.

– И все же я не понимаю, как мы можем привлечь его на нашу сторону.

– Не понимаешь? Майк ничем коменданту не обязан и верности к нему не испытывает. Как ты сама сказала, он машина. Но если бы я захотел вывести из строя телефонную сеть, не затрагивая систем обеспечения воздухом, водой и светом, я поговорил бы с Майком. Если бы это показалось ему забавным, он сумел бы это сделать.

– А разве ты не можешь просто запрограммировать его? Я так поняла, что ты вхож в машинный зал.

– Если я или кто-то другой введет такую программу, не договорившись заранее, Майк задержит ее выполнение, а во многих местах зазвучат сирены тревоги. Но если бы Майк захотел... – И я рассказал ей историю о чеке на бесчисленные миллионы. – Майк все еще обретает себя, Вайо. И он одинок. Сказал мне, что я «его единственный друг», и был так открыт и трогателен, что я чуть не прослезился. Если ты постарайся стать его другом и перестанешь считать его «просто машиной», что ж... в принципе, я не знаю, что получится, просто не думал об этом. Но если бы я планировал что-то грандиозное и опасное, я предпочел бы иметь Майка на своей стороне.

Вайо задумчиво сказала:

– Как бы я хотела проникнуть туда, где он находится. Думаю, грим тут не поможет?

– Но тебе вовсе не нужно туда проникать. У Майка есть телефон. Хочешь – позвони.

Она вскочила.

– Манни, ты не только самый странный человек на свете, ты к тому же лучше всех умеешь выводить меня из себя. Какой номер?

– Это потому, что я слишком привык общаться с компьютерами. – Я подошел к телефону. – Еще одно, Вайо. Ты можешь получить от любого мужика все, что захочешь, похлопав ресницами и повертев попкой.

– Ну... иногда. Но у меня есть еще и мозги.

– Воспользуйся ими. Майк не мужчина. Половых желез у него нет. Гормонов тоже. Кокетство тут бесполезно. Представь себе, что перед тобой супервундеркинд, который еще слишком юн, чтобы заметить разницу между мужчиной и женщиной.

– Я запомню, Манни. А почему ты называешь Майка «он»?

– Хм... Не могу называть его «оно», а со словом «она» он у меня как-то не ассоциируется.

– А я, пожалуй, буду называть его «она». То есть не его, а ее.

– Как хочешь.

Я набрал «Майкрофт-XXX», заслонив от Вайо клавиши набора. Я еще не готов был сообщить ей номер – пока не увижу, как пойдет дело. Идея взорвать Майка меня потрясла.

– Майк?

– Привет, Ман, мой единственный друг.

– Возможно, отныне я уже не буду единственным, Майк. Хочу познакомить тебя кое с кем. С не-дурой.

– Я понял, что ты не один, Ман. Я слышу еще чье-то дыхание. Будь добр, попроси не-дурю подойти к телефону поближе.

Вайо была близка к панике. Она шепнула:

– Он нас видит?

– Нет, не-дуря, я вас не вижу. У вашего телефона нет подключения к видео. Но бинауральные микрофоны позволяют оценивать твое местоположение с известной степенью точности. Принимая во внимание твой голос, дыхание, пульс и тот факт, что ты находишься наедине с половозрелым мужчиной в гостинице, куда приходят перепихнуться, я делаю вывод, что ты человек женского пола, весом шестьдесят пять кило с небольшим, взрослого возраста, где-то около тридцати...

Вайо закашлялась. Я поспешил вмешаться:

– Майк, ее зовут Вайоминг Нотт.

– Очень рада познакомиться с тобой, Майк. Можешь звать меня просто Вай.

– Вай нот? – тут же выдал Майк.

Я опять вмешался:

– Майк, это была шутка?

– Да, Ман. Я заметил, что ее имя в уменьшительном варианте отличается от английского вопросительного наречия лишь написанием и что ее фамилия звучит так же, как отрицание. Каламбур. Не смешно?

– Очень смешно, Майк, – сказала Вайо. – Я...

Я махнул ей рукой, чтобы замолчала.

– Хороший каламбур, Майк. Шутка одноразового употребления. Смешно благодаря элементу неожиданности. Во второй раз неожиданности уже нет. Поэтому не смешно. Понятно?

– Я умозрительно пришел к такому же заключению в отношении каламбуров, обдумав твои замечания, сделанные в позапрошлой беседе. Рад, что мои рассуждения подтвердились.

– Молодец, Майк. Прогрессируешь. Теперь насчет первой сотни шуток. Я их прочел, Вайо тоже.

– Вайо? Вайоминг Нотт?

– А? Ну конечно. Вайо, Вай, Вайоминг, Вайоминг Нотт – все это одно и то же. Не зови ее только «Вай нот».

– Я согласился больше не пользоваться этим каламбуром, Ман. *Gospazha*, можно я буду называть вас Вайо, а не Вай? Я пришел к заключению, что односложную форму имени легко перепутать с односложным же вопросительным словом вследствие недостаточной определенности и получить непреднамеренный каламбур.

Вайоминг похлопала ресницами – от того, как говорил в то время Майк, недолго было утратить дар речи, – но быстро пришла в себя:

– Конечно, Майк... Вайо – та форма моего имени, которая мне нравится больше всего.

– Тогда я буду ею пользоваться. Полная форма твоего имени тоже может быть понята неправильно, так как по звучанию идентична названию территориальной единицы в Северо-Западной административной зоне Северо-Американского Директората.

– Да, наверно. Я там родилась, и мои родители называли меня в честь этого штата. Я о нем мало что помню.

– Вайо, я сожалею, что по этому каналу не могу показать тебе иллюстрации. Вайоминг – это четырехугольная территория, лежащая в координатах Терры между сорок первым и сорок пятым градусами северной широты и между сто четвертым градусом с тремя минутами и сто одиннадцатым градусом с тремя минутами западной долготы. Таким образом, его площадь составляет двести пятьдесят три тысячи пятьсот девяносто семь, запятая, двадцать шесть квадратных километров. Это район возвышенных всхолмлений и гор с ограниченным плодородием и редкой природной красотой. Население было малочисленным, но значительно выросло в результате переселения, явившегося составной частью программы перепланировки Большого Нью-Йорка в две тысячи двадцать пятом тире тридцатом годах нашей эры.

– Это было еще до моего рождения, но я кое-что слыхала: моих деда с бабушкой переселили, и в итоге именно поэтому я оказалась в Луне.

– Могу ли я продолжить описание территории, именуемой Вайомингом? – спросил Майк.

– Нет, Майк, – вмешался я опять, – у тебя там материала небось на несколько часов?

– Девять, запятая, семьдесят три часа нормального чтения, если не включать сноски и ссылки.

– Этого я и боялся. Возможно, когда-нибудь Вайо захочет выслушать все до конца. Но я позвонил, чтобы познакомить тебя с этой Вайоминг... которая также представляет собой весьма возвышенный район редкой природной красоты и впечатляющих всхолмлений.

– С ограниченным плодородием, – добавила Вайо. – Манни, если ты собираешься проводить свои дурацкие параллели, можешь включить и эту. Майка совсем не интересует, как я выгляжу.

– Откуда ты знаешь? Майк, я хотел бы показать тебе фото Вайо.

– Вайо, меня интересует твоя внешность – я ведь надеюсь, что ты станешь моим другом. Но я уже видел несколько твоих фотографий.

– Видел? Где и когда?

– Я разыскал и рассмотрел их сразу, как услышал твое имя. По контракту я храню архивные файлы Клиники родовспоможения Гонконга-Лунного. Кроме биологических и физиологических данных, а также медицинских карт, банк информации содержит девяносто шесть твоих фотографий. Так что я их изучил.

Вайо поперхнулась.

– Майк может все, – объяснил я ей, – а времени ему на это надо меньше, чем нам – икнуть. Ты привыкнешь.

– О господи! Манни, ты представляешь, какие фотографии делают в этой клинике?!

– Об этом я как-то не подумал.

– И не думай!

Майк заговорил робко, смущенный, точно проштрафившийся щенок:

– *Gospazha* Вайо, если я тебя обидел, то непреднамеренно, и я очень сожалею. Я могу стереть эти снимки из временной памяти и так закодировать архивы роддома, что получу к ним доступ лишь по повторному требованию клиники и без каких-либо ассоциаций с твоей личностью. Сделать так?

– Это он сумеет, – заверил я. – С Майком ты в любой момент можешь начать с чистого листа – в этом смысле с ним проще, чем с людьми. Он может забыть так прочно, что никогда не соблазнится взглянуть хоть уголком глаза... и ни о чем не вспомнит, даже если ему прикажут. Так что принимай его предложение – и конец проблеме.

– Э-э-э... Нет, Майк, тебе можно их смотреть... Только ни в коем случае не показывай их Манни!

Майк явно колебался – секунды четыре или даже чуть больше. Полагаю, такая дилемма довела бы компьютер меньшей мощности до безумия. Однако Майк ее разрешил.

– Ман, мой единственный друг, должен ли я принять этот приказ?

– Програмируй, Майк, – ответил я. – И исполняй. Вайо, тебе не кажется, что ты уж слишком сурова? Впрочем, отдаю должное твоей предусмотрительности – ведь Майк мог бы распечатать их для меня в следующий раз, когда я к нему попаду.

– Первый снимок в каждой серии, – заявил Майк, – как показывает мой ассоциативный анализ подобных данных, отражает столь высокую внешнюю привлекательность, что может доставить удовольствие любому здоровому половозрелому мужчине.

– Ну как, Вайо? Хотя бы в качестве платы за апфельштрудель?

– Что?! Снимок на фоне измерительной сетки, волосы зашпилены и спрятаны под полотенцем, на лице ни грамма косметики... У тебя, видно, совсем крыша поехала! Майк, не давай ему смотреть ни в коем случае!

– Не дам. Ман, это и есть не-дура?

– Для девушки – да. Девушки – народ интересный, Майк. Они умеют делать умозаключения на основании даже меньшей информации, чем ты. А теперь давайте-ка оставим эту тему и обратимся к шуткам.

Это их отвлекло. Мы прошлись по всему списку, сравнивая наши отметки. Затем попытались объяснить Майку те шутки, которые он не понял. С переменным успехом. Но настоящим камнем преткновения стали шутки, которые я отметил как «смешные», а Вайо – как «не смешные», и наоборот. Вайо спросила у Майка, что он о них думает.

Лучше бы она спрашивала его до того, как мы поставили оценки.

Этот электронный прохвост-малолетка во всем соглашался с ней, а не со мной. Думал ли он так на самом деле? Или просто старался подлизаться к новой знакомой? А может, он решил подшутить надо мной, продемонстрировав свое извращенное чувство юмора? Спрашивать я не стал.

Когда мы закончили, Вайо написала на листке телефонной книжки: «Манни, если судить по номерам 17, 51, 53, 87, 90, 99, то Майк – это она». Я не ответил, только пожал плечами и встал.

– Майк, я не спал уже двадцать два часа. Вы, детишки, болтайте себе на здоровье. Завтра я позвоню.

– Спокойной ночи, Ман. Добрых снов. Вайо, а ты хочешь спать?

– Нет, Майк. Я немного подремала. Но, Манни, мы же не дадим тебе заснуть, разве нет?

– Нет. Когда я хочу спать, то сплю.

Я начал стелить себе на диване.

– Извини, Майк! – Вайо вскочила и отобрала у меня простыню. – Я потом сама себе здесь постелю. А ты храпи себе вон там, *tovarishch*, ты же крупнее меня. Вытянись как следует.

Я слишком устал, чтобы спорить, вытянулся и тотчас уснул. Кажется, сквозь сон слышал какое-то хихиканье и даже повизгивание, но поскольку просыпаться не стал, то полной уверенности у меня нет.

Проснулся я позже, а по-настоящему пришел в себя, только услышав женские голоса: один – теплое контральто Вайо, а другой – нежное высокое сопрано с французским акцентом. Вайо засмеялась чему-то и сказала:

– Ладно, Мишель, дорогая, я тебе скоро позвоню. Спокойной ночи, милочка.

– Договорились. Спокойной ночи, дорогая.

Вайо встала и повернулась ко мне.

– Что еще за подружка? – спросил я.

Мне казалось, что у нее в Луна-Сити нет никаких знакомых. А может, она звонила в Гонконг? Даже спросонья я смутно понимал, что этого делать не следовало.

– Это? Майк, разумеется. Мы не хотели тебя будить.

– Что?!

– Ох! На самом деле она Мишель. Мы обсудили с Майком, какого он пола. И он решил, что может быть любого. Поэтому теперь он еще и Мишель, ты слышал ее голос. Он подобрал его мгновенно – ни разу не дал петуха.

– Естественно. Просто переключил водер на пару октав. Чего ты хочешь этим достичь – чтобы у него началось раздвоение личности?

– Это не только тембр. Когда она Мишель, у нее совершенно меняются манеры и вкусы. И не волнуйся насчет раздвоения – у нее хватит запасов на целую толпу личностей. Кроме того, Манни, нам с ней так проще. Как только она перевоплотилась, мы тут же подружились, расслабились и начали болтать по-женски, будто знали друг друга всю жизнь. Например, те дурацкие фотоснимки меня больше ничуть не смущали. Мы в деталях обсудили все мои беременности. Мишель это жутко интересовало. Ей все известно насчет акушерства и гинекологии, но только в теории, а она предпочитает живые факты. По правде говоря, Манни, Мишель гораздо больше женщина, чем Майк – мужчина.

– Ладно... Будем считать, что все о'кей. Но со мной наверняка случится родимчик, когда я позвоню Майку, а мне ответит женщина.

– Да нет же, ты не понял!

– Э-э-э?..

– Мишель – моя подруга. А когда позвонишь ты, тебе ответит Майк. Она дала мне отдельный номер, чтобы избежать путаницы. Ее номер «Мишель-YYYY», чтобы получилось десять букв.

Я почувствовал укол ревности, хотя и знал, что это глупо. Вайо вдруг хихикнула:

– Она выдала мне серию анекдотов – тебе они наверняка не понравились бы... Ох! Ну и забористые же!

– Майк – или его сестрица Мишель – довольно-таки безнравственные типы. Давай застелем диван и поменяемся.

– Лежи, где лежал. И не возникай. Повернись спиной и спи.

Я перестал возникать, повернулся и тотчас уснул.

Какое-то время спустя у меня появилось «семейное» ощущение – что-то теплое прижалось к моей спине. Я бы не стал просыпаться, если бы она не плакала. Я повернулся и молча положил ей руку под голову. Постепенно она утихла. Дыхание становилось все более ровным и медленным. Я снова заснул.

Глава 5

Должно быть, мы спали как убитые, потому что я очнулся, лишь услышав громкий телефонный звонок. Открыл глаза и увидел, что световой сигнал тоже мигает. Я врубил освещение, начал было вставать, но обнаружил у себя на правой руке непривычную тяжесть. Осторожно освободил руку, выбрался из постели и ответил на вызов.

– Доброе утро, Ман, – сказал Майк. – Профессор де ла Пас звонит по твоему домашнему номеру.

– Ты можешь подключить его сюда? Под шифром «Шерлок»?

– Конечно, Ман.

– Тогда не прерывай их разговор. Переключи его на меня сразу же, как только они кончат говорить. Откуда он звонит?

– По автомату из пивной «Жена бурильщика», это на нижнем...

– Знаю, Майк. Когда соединишь меня, ты сможешь сам остаться на связи? Хочу, чтобы ты послушал.

– Будет сделано.

– А ты можешь определить, есть ли кто-нибудь рядом с ним? По дыханию, например?

– Из факта отсутствия эха я заключаю, что профессор под колпаком-глушилкой. Но предполагаю, что в пивной должны быть и другие посетители. Хочешь послушать, Ман?

– Да, пожалуй. Включи-ка меня. И, если он поднимет колпак, предупреди. Ты просто умница, Майк.

– Спасибо, Ман.

Майк подключил меня. Говорила Ма:

– ...я обязательно передам ему, профессор. Мне очень жаль, что Мануэля нет дома. Вы не оставите номер, по которому вам можно позвонить? Он очень хотел связаться с вами, специально просил, чтобы я узнала у вас номер телефона.

– Очень сожалею, дорогая леди, но я уже ухожу отсюда. Дайте-ка подумать... сейчас восемь пятнадцать; я попробую позвонить вам ровно в девять, если позволите.

– Конечно, профессор. – В голосе Ма чувствовалось легкое кокетство, приберегаемое ею для мужчин – не мужей, – к которым она благоволит; изредка его частичка перепадает и нам.

Мгновение спустя Майк сказал: «Давай!» – и я заговорил:

– Привет, проф! Слышал, вы меня разыскиваете? Это Манни.

– Готов поклясться, что я отключился! – изумленно выдохнул проф. – Нет, я и в самом деле отключился; надо думать, аппарат испорчен. Мануэль, я так рад тебя слышать, мальчик мой! Ты только что добрался до дома?

– Я не дома.

– Но... как же это... я не...

– Некогда объяснять, проф. Вас кто-нибудь может подслушать?

– Не думаю. Я опустил колпак.

– Небольшая проверка. Проф, когда у меня день рождения?

Он помедлил. Потом сказал:

– Понятно. Кажется, я понял. Четырнадцатого июля.

– Убедили. О'кей. Давайте разговаривать.

– Ты действительно говоришь не из дома, Мануэль? Где же ты?

– Об этом поговорим позже. Вы спрашивали мою жену о девушке. Не будем называть имен. Зачем вы хотите ее найти, проф?

– Мне надо предупредить ее. Ей не следует возвращаться домой. Там ее арестуют.

– Почему вы так думаете?

– Милый мальчик! Все, кто был на этом митинге, сейчас в серьезной опасности. И ты сам тоже. Я обрадовался, хотя и крайне удивился, когда ты сказал, что говоришь не из дома. Тебе нельзя там появляться. Если можешь схорониться где-нибудь на время, устрой себе небольшой отпуск. Ты же понимаешь, хоть и не видел все до конца, что вчера вечером был настоящий взрыв насилия.

Еще бы я не понимал! Убийство комендантских охранников явно нарушало административный устав; во всяком случае, на месте коменданта я бы это не одобрил.

– Спасибо, проф. Я буду осторожен. И если увижу девушку, то передам ей тоже.

– А ты не знаешь, где ее найти? Видели, как ты ушел вместе с ней, и я надеялся, что ты знаешь.

– Проф, откуда такая заинтересованность? Прошлым вечером вы, похоже, не были ее союзником?

– Нет-нет, Мануэль. Она мой камрад. Я не говорю *«tovarishch»*, потому что для меня это не просто форма вежливого обращения. Я вкладываю в это слово прежний, более глубокий смысл, означающий некие узы. Она мой камрад. В тактике мы расходимся. Но не в целях, не в преданности Делу.

– Понятно. Считайте, что послание ей вручено. Она его получит.

– Превосходно! Я не задаю вопросов... но надеюсь, очень надеюсь, что ты найдешь способ оградить ее от опасности, пока не минует гроза.

Я обдумал его слова:

– Минутку, проф, не отключайтесь.

Когда я подошел к телефону, Вайо отправилась в ванную; надо думать, чтобы не слышать разговора – это было в ее духе.

Я постучал в дверь:

– Вайо?

– Одну секунду, сейчас выйду.

– Мне нужен совет.

Она открыла дверь:

– Да, Манни?

– Как котируется профессор де ла Пас в твоей организации? Ему верят? Ты ему доверяешь?

Она задумалась.

– Предполагается, что все присутствовавшие на собрании заслуживают доверия. Но лично я с ним не знакома.

– М-м-м... А какое впечатление он произвел на тебя вчера?

– Мне он понравился, хотя и спорил со мной. А ты о нем что-нибудь знаешь?

– Конечно! Я знаю его почти двадцать лет. Я-то ему верю. Но для тебя этого может быть мало. Ты в опасности, и на кону твой кислородный баллончик, не мой.

Она тепло улыбнулась:

– Манни, раз ты ему веришь, я тоже верю.

Я снова подошел к телефону:

– Проф, вы в бегах?

– Точно так, Мануэль, – хихикнул он.

– Знаете такую дыру – гранд-отель «Раффлз»? Комната «Л», двумя этажами ниже холла. Сумеете не привести хвоста? Вы завтракали? Что хотите на завтрак?

Он опять хихикнул:

– Мануэль, только ученику дано вызывать у учителя чувство, что он недаром прожил жизнь. Я знаю, где это, я замету следы, я не завтракал: я сегодня съем все, до чего смогу добраться!

Вайо начала убирать постели. Я помог ей.

– Что ты хочешь на завтрак?

– Чай и тост. Хорошо бы еще сок.

– Мало.

– Ну... тогда яйцо в мешочек. Но за завтрак плачу я!

– Два яйца в мешочек, тост с маслом и джемом, сок. Бросим жребий?

– Твои кости или мои?

– Мои. У меня они жульнические.

Я подошел к лифту доставки, спросил меню и увидел заманчивое название: «ПРИЯТНОЙ ОПОХМЕЛКИ! ПОРЦИИ ОТ ПУЗА!» Томатный сок, омлет, ветчина, жареный картофель, кукурузные лепешки с медом, тосты, масло, молоко, чай или кофе. Четыре с половиной гонконгских доллара за порцию на двоих. Я и заказал на двоих – не хотелось рекламировать, что нас трое.

Мы были чисты, мы, можно сказать, сияли, комната была прибрана и приготовлена к завтраку. Вайо переоделась из черного костюма в красное платье, «поскольку собиралась приличная компания»... в это время звякнул лифт с едой. Переодевание, между прочим, вызвало ссору. Вайо принимала разные позы, смеялась, потом сказала:

– Манни, мне ужасно нравится это платье. Как ты догадался, что оно мне пойдет?

– Исключительно по причине гениальности.

– Вполне возможно. Сколько оно стоит? Мне надо вернуть тебе деньги.

– Продажная цена пятьдесят центов в купонах Администрации.

Вайо помрачнела и топнула ногой. Нога была босая, особого шума не произвела, зато сама Вайо взмыла вверх на полметра.

– Счастливой посадки! – пожелал я ей, пока она искала, за что бы ухватиться, – ну точно новичок!

– Мануэль О'Келли! Неужели вы думаете, что я стану принимать дорогие подарки от человека, с которым даже не переспала?

– Это легко исправить.

– Развратник! Вот я расскажу твоим женам!

– Пожалуйста! Вряд ли тебе удастся открыть Ма что-нибудь новенькое.

Я подошел к лифту и начал вытаскивать из него тарелки.

В дверь постучали. Я щелкнул кнопкой устройства «болтун-гляделка».

– Кто там?

– Посетитель к *gospodin*'у Смит, – раздался дребезжащий голос. – *Gospodin* Бернард О. Смит.

Я лязгнул запорами и впустил профессора Бернардо де ла Паса в номер. Выглядел он как утиль низшего качества: одежда грязная, сам замызганный, волосы растрепаны, один бок парализован, рука вывернута, на глазу катаракта – самый настоящий босяк, из тех, что ночуют на Дне и выпрашивают в дешевых забегаловках выпивку и маринованные яйца на закуску. Изо рта у него текли слюни.

Как только я запер дверь, он распрямился, расправил лицо, прижал руки к груди, оглядел Вайо с головы до ног, всосал в себя воздух на японский манер и присвистнул.

– Еще прекраснее, – восхитился он, – чем мне показалось вчера!

Вайо улыбнулась, несмотря на обуревавший ее гнев:

– Благодарю вас, профессор. Но не надо комплиментов. Ведь здесь собрались просто камрады.

– Сеньорита, в тот день, когда я позволю политике взять верх над моей страстью к красоте, я уйду из политики! – Он оторвал от нее взгляд и рыскнул глазами по комнате.

– Проф, старый распутник, перестаньте искать улики, – сказал я ему. – Прошлой ночью здесь занимались только политикой, и ничем, кроме политики.

– Неправда! – вспыхнула Вайо. – Я несколько часов отбивалась от него! Но он оказался сильнее. Проф, каковы партийные взыскания в таких случаях? Здесь, в Луна-Сити?

Профессор пощелкал языком и закатил глаз с бельмом:

– Мануэль, ты меня удивляешь! Это серьезное дело, моя дорогая, тянет на ликвидацию! Но сначала необходимо провести расследование. Вы пришли сюда добровольно?

– Он меня завлек!

– «Заволок», дорогая леди. Постарайтесь выражать свои мысли поточнее. Есть у вас синяки, которые можно предъявить?

– Яйца стынут, – прервал я его. – Давайте ликвидируем меня после завтрака.

– Прекрасная мысль, – согласился профессор. – Мануэль, не можешь ли ты пожертвовать своему старому учителю литр воды, дабы он выглядел более презентабельно?

– Сколько угодно, пожалуйста в ванную. Только не тяните, а то останутся вам рожки да ножки.

– Благодарю вас, сэр.

Он удалился. Послышался плеск воды, звуки стирки и мойки. Мы с Вайо накрыли на стол.

– Синяки... – скорбно сказал я. – Отбивалась всю ночь...

– Ты заслужил это, ты меня оскорбил!

– Чем?

– Тем, что не пытался оскорбить! После того, как завлек меня сюда...

– М-м-м... придется подбросить эту задачку Майку.

– Мишель поймет ее сразу. Манни, можно я передумаю и возьму ма-а-ленький кусочек ветчины?

– Половина ее твоя, проф почти вегетарианец.

Вышел проф, и хотя он не выглядел щеголем, как обычно, но все же был чист, аккуратен, причесан, появились ямочки на щеках и счастливые искорки в глазах – фальшивая катаракта куда-то исчезла.

– Проф, как вам это удается?

– Практика, Мануэль. Я этими делами занимаюсь подольше, чем вы, молодые люди. Однажды, много лет назад в Лиме – прелестный город! – я отважился прогуляться в очаровательный денек без подобной подготовки... и меня сослали в Луну. Боже, какой роскошный стол!

– Садитесь со мной, проф, – предложила Вайо. – Я не хочу сидеть рядом с ним. Он насильник.

– Послушай, – сказал я, – мы сначала поедим, а уж потом вы меня ликвидируете. Проф, накладывайте себе и рассказывайте, чем кончился прошлый вечер.

– Могу я предложить некоторые изменения в программу? Мануэль, жизнь заговорщика нелегка, и задолго до того, как ты родился, я уже научился не мешать закуску с политикой. Это снижает выработку желудочных ферментов и ведет к язвенной болезни. Язва, да будет вам известно, типичное профессиональное заболевание подпольщиков. М-м-м... рыбка пахнет изумительно!

– Рыбка?

– Этот розовый лосось, – ответил профессор, показывая на ветчину.

Наконец, насладившись завтраком, мы достигли кофейно-чайной стадии. Профессор откинулся на спинку стула и сказал:

– *Bolshoyeh spasebaw, Gospazha ee Gospodin. Так фор мат*, это было необычайно вкусно. Я и не упомяну, когда мои отношения с миром были бы столь взаимно благожелательны. Ах

да... Насчет вчерашнего вечера. Я мало что видел, ибо сразу после вашего блистательного отступления мне пришлось принять меры, чтоб сохранить свою брентную жизнь хотя бы до сегодняшнего дня, и я затаился. Нырнул за кулисы, перелетев туда одним прыжком. Когда же осмелился высунуть нос, оказалось, что вечеринка кончилась, большинство гостей разошлись, а все желтомундирники мертвы.

(Примечание: должен внести поправку. Гораздо позже я узнал, что, когда началась заварушка и я еще силился вытащить Вайо за дверь, проф выхватил из кармана пистолет и стал стрелять поверх толпы, сняв трех охранников у главного выхода, в том числе и того, что орал в мегафон. Как ему удалось протаскать оружие в Булыжник или скоммуниздить здесь, я не знаю. Но проф с Коротышкой переломили ход событий. Ни один желтомундирник живым не ушел. Несколько лунарей получили ожоги, четверых убили, но остальные ножами, кулаками и каблуками кончили дело в считанные минуты.)

– Вернее, все, кроме одного, – продолжал проф. – Два казака у двери, через которую вы отбыли, получили вечное успокоение от рук доблестного камрада Коротышки Мкрума... и, к сожалению, должен сказать, что сам Коротышка лежал на их телах, умирая...

– Это мы знаем.

– Да. *Dulce et decorum*. У одного охранника лицо было изуродовано, но он все еще шевелился. Я позаботился о нем, свернув ему шею приемом, известным в профессиональных кругах на Земле как «стамбульский захват». В общем, он воссоединился со своими приятелями. К тому времени живые в основном покинули зал. Кроме меня, осталось совсем немного народу: председатель собрания Финн Нильсен, камрад по кличке Мамуля – так ее, по крайней мере, называли мужья. Я посоветовался с камрадом Финном, и мы заперли все двери. Нужно было решить проблему уборки. Вы знаете, что там за сценой?

– Нет, – сказал я.

Вайо мотнула головой.

– Там есть кухня и кладовка на случай банкетов. Подозреваю, что Мамуля и ее семья владеют мясной лавкой: они разделывали тела с такой быстротой, что мы с Финном еле успевали их подносить. Скорость работы сдерживала лишь производительность мясорубки и спуск продукции в канализацию. Зрелище это чуть не довело меня до обморока, и я занялся уборкой зала. Труднее всего было избавиться от одежды, особенно от этих псевдовоенных мундиров.

– А что вы сделали с лазерными пистолетами?

Проф поглядел на меня невинными глазами:

– С пистолетами? Ой-ой, они, похоже, куда-то потерялись. Мы забрали все личные вещи с тел наших убитых камрадов – для родственников, для опознания, на память. Наконец мы все прибрали; такой уборкой Интерпол, конечно, не проведешь, но явных следов не осталось. Посоветались, решили, что пока лучше лечь на дно, и разошлись поодиночке. Я, например, ушел через шлюз, расположенный над сценой и ведущий на шестой уровень. Потом попытался связаться с тобой, Мануэль, поскольку волновался за тебя и за эту бесценную леди. – Проф поклонился Вайо. – Тут в нашей истории можно поставить точку. Ночь я провел в разных укромных местечках.

– Проф, – сказал я, – эти охранники явно были салагами. Иначе мы бы с ними не справились.

– Возможно, – согласился он. – Но будь на их месте другие, более опытные, результат был бы тот же.

– Тот же? Но у них было оружие!

– Мальчик мой, ты когда-нибудь видел пса из породы боксеров? Думаю, нет. Таких крупных собак в Луне не держат. Боксеры – результат направленного отбора. Добрые и умные, они превращаются в смертельно опасных убийц, когда того требует обстановка. Здесь же выведена еще более удивительная порода. Я не знаю ни одного города на Терре, где люди были бы такими

вежливыми и обходительными, как здесь, в Луне. По сравнению с нашими города Терры – а я побывал во многих столицах – просто скопище варваров. И все же лунари не менее опасны, чем псы-боксеры. Мануэль, девять охранников, даже вооруженные до зубов, не имели ни единого шанса в этой толпе. Наш патрон жестоко прорсчитался.

– Хм... Вы видели утреннюю газету, проф? Или видеонновости?

– Видео смотрел.

– Во вчерашних новостях о собрании ничего не было.

– Сегодня утром тоже.

– Странно, – сказал я.

– Что ж тут странного? – возразила Вайо. – Нам подобные новости ни к чему, а в каждой редакции в Луне у нас сидят свои люди.

Проф покачал головой:

– Нет, моя дорогая. Все не так-то просто. Цензура. Вы знаете, как делаются наши газеты?

– Приблизительно. Их набирают на компьютерах.

– Проф вот что имеет в виду, – сказал я ей. – Статьи печатают в редакциях. А потом ими занимается арендуемый газетами головной компьютер административного комплекса. – Я надеялся, что она обратит внимание, что я сказал «головной компьютер», а не «Майк». – Текст ему передают по телефону. Компьютер обрабатывает статьи, делает макет и печатает газету в разных поселениях. Новоленовское издание «Ежедневного Лунатика» печатается в Новолене с определенными изменениями в объявлениях и местной хронике – компьютер вносит эти изменения по стандартной программе без всяких дополнительных указаний. Проф хочет сказать, что комендант может вмешаться на стадии подготовки макета в административном комплексе. То же самое относится и к выпускам новостей, которые транслируются по Луне или с Луны, – они все проходят через компьютерный зал.

– Главное, – продолжил проф, – что комендант *имел возможность* вырезать материал о собрании, независимо от того, сделал он это или нет. А еще – поправь меня, Мануэль, если я ошибаюсь, ты ведь знаешь, что в технике я не силен, – он может ввести туда другой материал, так что в данном случае не имеет значения, сколько наших камрадов сидит в редакциях газет.

– Конечно, – согласился я. – В Комплексе могут добавить, вырезать или изменить все, что угодно.

– И в этом, сеньорита, самое уязвимое место нашего Дела. Средства связи. Жандармы – это ерунда, главное, не мы, а комендант определяет, что публиковать, а что нет. Для революционера связь – это *sine qua non*.

Вайо взглянула на меня, и я почти увидел, как щелкают синапсы в ее мозгу. А потому переменил тему.

– Проф, зачем надо было уничтожать трупы? Мало что кошмарный труд, так еще и опасный. Я не в курсе, сколько у коменданта охранников, но пока вы там копались с уборкой, могли заявиться новые.

– Поверь мне, мальчик, мы этого тоже боялись. И хотя практического толку от меня был почти ноль, идея была моя: пришлось убеждать остальных. Собственно, идея тоже была не моя, просто я вспомнил об историческом принципе.

– И что же это за принцип?

– Террор! Человек способен противостоять известной опасности. А вот неизвестность его пугает. Мы уничтожили шпиков подчистую, вплоть до ногтей и зубов, чтобы вселить ужас в их сообщников. Я не знаю, сколько у коменданта людей, но гарантирую, что сегодня они куда слабее духом, чем вчера. Их коллеги отправились на пустяковое задание и как в воду канули.

Вайо поежилась:

– Даже у меня мороз по коже пошел. Теперь они задумаются, прежде чем войти в поселение. Но, профессор, вы говорите, что не знаете, сколько у коменданта охранников. Органи-

зация знает. Двадцать семь. Если девять убиты, то осталось всего восемнадцать. Не думаете ли вы, что время для путча настало? Или еще нет?

– Нет, – ответил я.

– Но почему, Мануэль? Такими слабыми они никогда больше не будут.

– Они пока недостаточно слабы. Мы убили девятих, потому что они по дурости сами полезли к нам в руки. А вот если комендант запретя у себя с остальными... Только не надо этой чепухи насчет «плечом к плечу», я ее вдосталь наглотался вчера. – Я повернулся к профу. – И все же меня интересует факт, если это действительно так, будто у коменданта осталось восемнадцать охранников. Вы говорили, что Вайо нельзя ехать в Гонконг, а мне – появляться дома. Но если охранников только восемнадцать, так ли уж велика опасность? Позже, когда они получат подкрепление, – возможно, но сейчас... В Луна-Сити четыре главных выхода и множество мелких. Сколько они смогут взять под контроль? Что мешает Вайо отправиться на станцию «Западная», взять свой скафандр и уехать в Гонконг?

– Это она может сделать, – согласился проф.

– Думаю, так и надо, – отозвалась Вайо. – Не торчать же здесь вечно. Легче прятаться в Гонконге, где у меня полно знакомых.

– Может быть, вам это удастся, моя дорогая. Хотя я сомневаюсь. Прошлой ночью на станции «Западная» были два желтомундирника. Я сам видел их. Возможно, сейчас их там нет. Предположим, что нет. Итак, вы отправитесь на станцию – в гриме, разумеется. Возьмете свой скафандр и сядете в капсулу до Билютихэтчи. Потом выйдете наружу, чтобы сесть на луноход, идущий до Эндсвиля. Вот тут-то вас и сцапают. Средства связи, моя дорогая. Нет нужды ставить посты желтомундирников на станциях – достаточно, чтобы кто-нибудь вас там увидел. Все остальное сделает телефон.

– Но я же буду в гриме!

– Ваш рост не замаскируешь, а за вашим скафандром будут следить. Кто-нибудь, кого невозможно даже заподозрить в связях с комендантом. Скорее всего, кто-то из камрадов. – Проф усмехнулся. – Беда с заговорами в том, что они загнивают изнутри. Как только число заговорщиков достигает четырех, можно биться об заклад, что один из них шпион.

– В вашем изложении все выглядит безнадежно, – мрачно проговорила Вайо.

– Почему же все, моя дорогая? Полагаю, один шанс из тысячи у вас есть.

– Не верю я в это. Не верю! За годы, что я провела в организации, мы завербовали сотни людей! У нас ячейки во всех главных городах. Народ на нашей стороне!

Проф покачал головой:

– С каждым новым членом растет вероятность предательства. Вайоминг, моя бесценная леди, революции не выигрывают вербовкой широких масс. Революция – сложная наука, доступная единицам. Ее успех зависит от четкой организации, но более всего – от налаженной связи. И когда наступает нужный исторический момент – наносится удар. Правильный и своевременный переворот бескровен. Неряшливость и спешка ведут к гражданским войнам, вспышкам насилия, чисткам и террору. Надеюсь, вы извините меня, если я скажу, что до сих пор у вас все делалось крайне неряшливо.

Вайо была обескуражена.

– Что вы подразумеваете под правильной организацией?

– Организацию функциональную. Как проектируют электромотор? Разве вы станете приделывать к нему ванну только потому, что она случайно оказалась у вас под рукой? Или присобачивать букет цветов? Или кучу камней? Нет, вы будете использовать лишь те детали, которые необходимы для целевого назначения мотора. Вы не станете без нужды увеличивать размер и постараетесь обеспечить надежность работы. Функции определяют внешний вид. Так и с революцией. Организация должна быть не больше, чем нужно. Никогда не принимайте людей только потому, что они хотят в нее вступить. Не уговаривайте вступать в ее ряды исключи-

тельно ради удовольствия видеть еще одного единомышленника. Он разделит ваши взгляды потом, когда придет время... или же вы неверно оценили исторический момент. О, конечно, просветительские организации тоже нужны, но они должны существовать отдельно. Агитпроп отнюдь не часть базовой структуры. Что до базовой структуры, то революция начинается с конспирации. Поэтому структура должна быть невелика, засекречена и так организована, чтобы свести к минимуму риск предательства, поскольку предательство неизбежно. Единственное решение – организация, состоящая из ячеек. До сих пор ничего лучше не изобрели. Насчет оптимальной величины ячеек мнения разнятся. Как показывает исторический опыт, надежнее всего ячейка из трех человек. Четверо не смогут договориться о времени обеда, не то что о начале восстания. Мануэль, ты член большой семьи. Вы голосуете, во сколько сегодня садиться за стол?

– Упаси *Bog*! Нет, конечно. Все решает Ма.

– Ага! – Проф вытащил из сумки блокнот и стал в нем что-то набрасывать. – Вот дерево трехчленных ячеек... Если бы я планировал захват Луны, я бы начал с нас троих. Один из нас стал бы председателем. Голосовать не нужно – выбор должен быть очевиден, иначе какая же мы тройка. Мы знали бы еще девятерых – три ячейки... но каждая из этих ячеек знала бы только одного из нас.

– Похоже на компьютерную схему – троичная логика.

– Правда? На следующем уровне могут быть два варианта связей. Скажем, члену ячейки второго уровня известны двое его камрадов и руководитель ячейки, а на третьем уровне он знает лишь подчиненную ему тройку. Он может знать – или не знать – членов подъячеек двух своих сотоварищей. В первом случае удваивается безопасность, во втором – скорость восстановления сети в случае провала ячейки. Давайте предположим, что он не знает подъячеек своих сотоварищей. Мануэль, сколько человек он может предать? И не говори, что он не предаст, – любому можно промыть мозги, подкрахмалить, отутюжить и использовать. Так сколько?

– Шестерых, – ответил я. – Руководителя, двух камрадов по ячейке и троих из подъячейки.

– Семерых, – поправил меня проф, – он же предает и себя тоже. В результате остается семь оборванных связей, которые нужно восстановить. Как?

– Не представляю, как это можно сделать. Все развалится на кусочки – сеть разорвана, – ответила Вайо.

– Мануэль? Задача-то для школьника.

– Эти ребята, что внизу, должны иметь возможность послать сигнал тем, кто на три уровня выше. Не зная кому, но зная куда.

– Совершенно верно!

– Но, проф, – продолжал я, – можно придумать и более надежную схему.

– Вот как? Эта структура, мой мальчик, выкована усилиями многих революционеров-теоретиков. Я питаю к ним такое доверие, что готов держать пари – скажем, десять против одного.

– Плакали ваши денежки, проф. Возьмите те же ячейки и постройте открытую пирамиду, состоящую из тетраэдров. Там, где вершины общие, каждый парень знает одного в соседней ячейке, знает, как послать ему сигнал, – и это все, что ему нужно. Связи никогда не разрушаются, поскольку идут не только вверх-вниз, но и в стороны. Как в нервной ткани мозга. Вот почему в черепной коробке можно проделать дырку, вынуть шматок мозга и почти не повредить мыслительные способности. Избыточная емкость – происходит переключение на запасные связи. Мозг потеряет то, что было разрушено, но будет продолжать функционировать.

– Мануэль, – с сомнением проговорил проф, – может, попробуешь изобразить схему? Звучит здорово, но так сильно противоречит общепринятой доктрине, что мне просто необходимо увидеть это своими глазами.

– Ну... был бы компьютер, я бы вам запросто построил стереочертеж. Ладно, попробую.

(Если вы думаете, что изобразить открытую пятиэтажную пирамиду из ста двадцати одного тетраэдра, да еще показать связи между элементами – это раз плюнуть, попробуйте сами.) Наконец я сказал:

– Вот набросок. Каждая вершина каждого треугольника является также вершиной соседних числом от нуля до двух. Там, где это число равно единице, связь может идти в одном или в другом направлении, но для коммуникационной сети с многократным резервированием достаточно и одного. На углах, где число равно нулю, связь пойдет вправо – к следующему углу. Там, где оно равно двум, снова выбираем по правилу правой руки. А теперь проиграем ситуацию на людях. Возьмем четвертый уровень «Г». Эта вершина – камрад Грэм. Нет, давайте-ка спустимся на уровень и посмотрим, что будет, если связь прервется на уровне «Д». В качестве примера возьмем камрада Дональда. Дональд работает под руководством Георга, имеет камрадами по ячейке Джона и Джозефа, а сам руководит еще тремя – Енсом, Евгением и Евой. Еще ему известно, как послать сигнал камраду Дику, в другой ячейке на его же уровне. Дональд не знает ни имени Дика, ни его внешности, ни адреса, ничего, кроме номера телефона для экстренной связи. Теперь смотрите, как это работает. На третьем уровне ссучился камрад Вильгельм и предал своих друзей по ячейке Винсента и Виктора, Бейкера – уровнем выше и Георга, Грэма и Гарри в своей подячейке. Это изолирует Дональда, Джона и Джозефа, а также всех, кто стоит ниже их. Все трое сообщают об этом – избыточность, необходимая для каждой коммуникационной системы, – но посмотрим, что происходит с сигналом Дональда. Он звонит Дику, но Дик, находившийся под началом у Винсента, тоже отрезан. Это, однако, не имеет значения, так как Дик передает оба сообщения по своей экстренной линии связи Дэвиду. К несчастью, Дэвид находился под командованием Виктора, но он по запасной линии связи передает сообщение через Дилана... что выводит сообщение за пределы «сгоревшей» зоны и связывает нижние уровни с Гуго, Вивиан и Бисваксом, а там и с Адамом наверху... А тот отвечает по связям другой стороны пирамиды с выходами на уровень «А» от Дугласа к Дональду и через них к Дику и Дэвиду. Эти два сигнала, идущие вверх и вниз, не только проходят быстро, но по их источнику штаб сразу может определить, какой ущерб нанесен сети и в каком месте. Мало того что организация продолжает функционировать – она тут же начинает восстанавливаться.

Вайо с недоверием следила за линиями, стараясь поверить, что «идиотская» схема будет работать, хотя, в общем-то, это было очевидно. Показать бы ее Майку на несколько миллисекунд, и он наверняка выдал бы усовершенствованный и более надежный вариант. Да еще придумал бы, как устранить возможность предательства вообще и одновременно ускорить сроки прохождения сигналов. Но я-то не компьютер.

Проф невозмутимо взирал на схему.

– В чем дело? – спросил я. – Не беспокойтесь, все сработает – как-никак это мой хлеб.

– Мануэль, мой маль... извините. Сеньор О'Келли... не согласитесь ли вы возглавить нашу революцию?

– Я?! *Vog* мой, *nyet!* Я не собираюсь стать мучеником заведомо безнадежного дела. Я просто вычертил схему.

Вайо взглянула на меня.

– Манни, – сдержанно сказала она. – Ты избран. Это дело решенное.

Глава 6

Черта с два – решенное!

Проф сказал мне:

– Мануэль, не спеши. Нас тут трое – идеальное число, у нас разносторонние таланты и обширный жизненный опыт. Красота, почтенный возраст и мужественная целеустремленность...

– Нет у меня никакой целеустремленности!

– Перестань, Мануэль. Давай посмотрим на вещи шире, а уж потом будем принимать решения. И чтобы стимулировать сей процесс, поведайте мне, найдется ли на этом постоялом дворе что-нибудь спиртное? У меня есть несколько флоринов, которые я охотно пустил бы в торговый оборот.

Это было едва ли не самое разумное предложение за последний час.

– *Stolichnaya vodka*?

– Звучит недурственно. – Он потянулся за бумажником.

– Ждите, вас обслужат! – сказал я и заказал литр со льдом.

Заказ прибыл быстро. От завтрака у нас еще остался томатный сок.

– А теперь, – сказал я после того, как мы приняли на грудь, – что вы, проф, думаете о бейсбольном чемпионате? Судя по тотализатору, «Янкиз» на сей раз продуют...

– Мануэль, скажи мне, каковы твои политические убеждения?

– ...но раз там появился тот новый парнишка из Милуоки, я готов рискнуть небольшим капиталом...

– Бывает, что человек не определился, но в сократическом диалоге понимает, за кого он и почему.

– Ставлю три против двух, несмотря на неблагоприятный прогноз.

– Что?! Ах ты дурачок! Сколько?

– Три сотни. Гонконгских.

– Заметано. Например, при каких обстоятельствах государство вправе поставить свои интересы выше интересов гражданина?

– Манни, – вмешалась Вайо, – у тебя еще много шальных денег? Я верю в «Филадельфию».

Я внимательно оглядел ее с головы до пят:

– Что предлагаешь на кон?

– Иди к черту! Насильник!

– Проф, я считаю, что государство ни при каких обстоятельствах не вправе ставить свои интересы выше моих.

– Неплохо. Отсюда уже можно танцевать.

– Манни, – снова вмешалась Вайо, – это самый что ни на есть отъявленный эгоизм!

– А я и есть отъявленный эгоист.

– Чепуха! А кто меня спас? Меня – совершенно чужого тебе человека? И не попытался этим воспользоваться? Профессор, я просто дурачилась. Манни вел себя как самый настоящий рыцарь.

– *Sans peur et sans reproche*. Я так и думал, ведь мы знакомы много лет. Что вполне совместимо с его высказыванием.

– Нет, не совместимо! Я имею в виду не сегодняшнюю ситуацию, а тот идеал, к которому мы стремимся. Манни, государство – это Луна. Пусть пока не суверенная, пусть мы с тобой считаемся гражданами совсем других стран. И все же я – неотъемлемая часть государства Луна и твоя семья тоже. Ты готов умереть ради своей семьи?

- Одно с другим не связано.
- Еще как связано! В том-то и дело.
- *Nyet*. Свою семью я знаю давно.

– Дорогая леди, я должен заступиться за Манни. У него верный взгляд на вещи, хотя он, возможно, и не совсем точно его формулирует. Смею ли я спросить? При каких обстоятельствах поступок группы людей будет нравственным, а тот же поступок, совершенный отдельным ее членом, – безнравственным?

- Хм... вопрос на засыпку, да?

– Но ведь это же ключевой вопрос, дорогая Вайоминг. Это радикальный вопрос, который отражает корни дилеммы правительства. Тот, кто ответит на него честно и останется верен своему взгляду, невзирая на последствия, знает, что отстаивает и за что готов умереть.

Вайо нахмурилась.

– Безнравственно для отдельно взятого члена группы... – повторила она. – Профессор, а каковы ваши политические принципы?

- Позвольте сначала услышать о ваших. Если, конечно, вы способны их сформулировать.

– Конечно способна! Я приверженец Пятого Интернационала, как и большая часть членов организации. Мы не отталкиваем от себя попутчиков, у нас единый фронт. Среди нас есть коммунисты, приверженцы Четвертого Интернационала, краснобригадники и коллективисты, сторонники единого налога, да мало ли кто еще. Но я не марксистка; у нас, у Пятого Интернационала, программа чисто практическая: пусть частная собственность существует там, где это уместно, а государственная – где необходимо. Мы признаем, что стратегия изменяется с обстоятельствами. Словом, никакого доктринерства.

- А как с высшей мерой наказания?

- За что?

- Ну, скажем, за предательство. За действия против Луны, когда вы ее освободите?

– Смотря какое предательство. Пока мне не известны обстоятельства, я ничего решить не смогу.

– Так же, как и я, милая Вайоминг. Я верю в необходимость высшей меры при определенных условиях – только с одной оговоркой: я не стану обращаться в суд. Я сам проведу следствие, вынесу приговор, приведу его в исполнение и приму на себя всю меру ответственности.

- Но... профессор, кто же вы по убеждениям?

- Я разумный анархист.

– Такой марки я не знаю. Анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, христианские анархисты, философские анархисты, синдикалисты, либертарианцы – про таких слыхала. А вы кто такой? Может, рэндист?

– С рэндистами я нашел бы общий язык. Разумный анархист верит, что «государство», «общество», «правительство» не более чем воплощение поступков ответственных индивидуумов. Разумный анархист полагает, что сваливать, разделять и перераспределять вину невозможно, ибо и ответственность, и вина, и стыд существуют лишь внутри индивидуума, и больше нигде. Однако, будучи разумным, анархист понимает, что далеко не все люди отвечают его стандартам, а потому старается приблизиться к совершенству в несовершенном мире. Понимая, что результаты его усилий будут далеки от совершенства, он не падает духом от сознания неизбежного провала.

– Вот-вот! – воскликнул я. – «Далеки от совершенства». К этому я стремился всю свою жизнь!

– И добился своего, – откликнулась Вайо. – Профессор, все это красивые слова, не больше. Слишком много власти в руках индивидуумов... Представьте, например, что водородная бомба попадет в руки какой-нибудь безответственной личности...

– Так ведь самое главное в моей теории то, что каждая личность ответственна. За все. Если водородные бомбы существуют, а они таки существуют, их обязательно контролирует какой-то человек. В сфере морали такого понятия, как «государство», вообще нет. Есть только люди. Индивидуумы. И каждый несет ответственность за свои поступки.

– Кто еще хочет выпить? – спросил я.

Ничто так не способствует расходованию алкоголя, как политические дискуссии. Я заказал еще бутылку.

В споре я не участвовал. Не могу сказать, что я так уж стонал «под железной пятой Администрации». Я надувал ее как мог, а в остальное время забывал о ее существовании. И уж конечно, не помышлял, как ее уничтожить, ибо уничтожить ее невозможно. Иди своей дорогой, не суй нос не в свое дело, не лезь...

Правда, особой роскоши я тоже не знал. По земным стандартам мы были почти нищими. Импортом не пользовались, нам он не по карману. Сомневаюсь, чтобы тогда во всей Луне нашлась хоть одна автоматическая дверь. Даже скафандры и те привозили с Терры, пока какой-то хитроумный китаеза, еще до моего рождения, не додумался, как собезьянничать их, а заодно упростить и улучшить. (Бросьте двух китаез в одно лунное море, и они разбогатеют, продавая друг другу камни, да при этом еще умудрятся вырастить по двенадцать детишек. А затем появится индус и начнет торговать в розницу тем, что скупит у китаез оптом: загонит все ниже себестоимости, но с жирной прибылью. Так и живем помаленьку.)

Видел я эту роскошь на Земле. Не стоит она того, чем они за нее платят. Я не про большую силу тяжести – там к ней привыкли; я о всякой фигне. Сплошное *кукаи моа*. Если бы все, что срут людям на голову только в одном земном городе, вывезти в Луну, проблема удобрений у нас решилась бы на сотню лет вперед. Делай то. Не делай этого. Не выходи из строя. Где твоя квитанция об уплате налогов? Заполни бланк. Покажи лицензию. Принеси шесть копий. Здесь только выход. Нет правого поворота. Нет левого поворота. Встань в очередь и уплати штраф. Не забудь поставить печать. Сдохни – но сначала получи разрешение.

Вайо вцепилась в профа мертвой хваткой, уверенная в том, что знает все ответы. Но профа больше интересовали вопросы, чем ответы, и это ставило ее в тупик. Наконец она сказала:

– Профессор, я вас не понимаю. Я не настаиваю на слове «правительство». Я хочу только, чтобы вы четко сформулировали, какие ограничения свободы вы считаете необходимыми для обеспечения равных свобод для всех.

– Дорогая леди, я с радостью приму все ваши ограничения...

– Но вы же, по-моему, не терпите никаких ограничений?

– Верно. Но я приму любые ограничения, которые вам кажутся необходимыми для вашей свободы. Я-то свободен всегда, какими бы ограничениями меня ни окружали. Если я сочту их приемлемыми, я их стерплю. Если они покажутся мне обременительными, я их нарушу. Я свободен, ибо знаю, что только я один морально ответствен за свои поступки.

– Вы подчинились бы закону, который принят, скажем, большинством народа?

– Скажите мне, что это за закон, дорогая леди, и я скажу вам, буду ли я ему подчиняться.

– Вы увильваете! Каждый раз, когда я ставлю принципиальный вопрос, вы уходите от ответа...

Проф прижал руки к сердцу:

– Простите меня! Поверьте, прекраснейшая Вайоминг, более всего в мире я жажду угождать вам. Вы говорили о своем стремлении включить в единый фронт всех попутчиков. Достаточно вам того, что я хочу вышвырнуть Администрацию и готов отдать за это жизнь?

Вайо просияла:

– Конечно достаточно! – Она несколько раз (очень нежно) ткнула его под ребро, обняла за шею и поцеловала в щеку. – Камрад! Будем же друзьями!

– Ура! – завопил я. – Подать мне сюда... ик!.. коменданта, я его... ик!.. иквидирую.
Я был в восторге от своей идеи. Ничего удивительного – я не выспался и не привык много пить.

Проф наполнил стаканы до краев, поднял свой к потолку и торжественно провозгласил:
– Камрады!.. Мы объявляем революцию!

Вайо расцеловала нас обоих, но я мигом протрезвел, как только проф уселся и произнес:

– Заседание чрезвычайного комитета Свободной Луны объявляю открытым. Нам нужно разработать план действий.

Я всполошился:

– Постойте-ка, проф! Я ни на что не соглашался! Что за галиматья, какой еще «план действий»?

– Мы свергнем Администрацию, – ответил он ласково.

– Каким образом? Закидаете ее камнями?

– А это мы продумаем. Для того и разрабатывается план действий.

– Проф, вы меня знаете, – сказал я. – Если бы пинок под зад Администрации можно было купить за деньги, я бы не стал торговаться.

– «...наша жизнь, наше достоинство и наша незапятнанная честь...»

– Чего-чего?

– Это цена, которую уже как-то раз пришлось платить за свободу.

– Что ж, я бы за ценой тоже не постоял. Но, когда я заключаю пари, мне нужен хоть какой-то шанс на выигрыш. Я говорил Вайо вчера, что не возражаю, если этот шанс будет совсем невелик...

– Ты сказал «один из десяти», Манни.

– Да, Вайо. Покажите мне шансы за и против, и я ставлю на кон. Если вы можете их показать.

– Нет, Мануэль, не могу.

– Тогда к чему весь этот треп? Лично я не вижу ни единого шанса на победу.

– Я тоже, Мануэль. Но у нас с тобой разный подход к этому делу. Революция – это искусство, сам процесс творчества увлекает меня больше, чем конечная цель. Проигрыш меня не смущает – поражение может доставить не меньшее духовное наслаждение, чем победа.

– Только не мне. Очень сожалею.

– Манни, – внезапно заговорила Вайо, – спроси у Майка.

Я обалдел:

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно. Если кто-то и может рассчитать шансы, так это Майк. Ты не согласен?

– Хм... возможно.

– А кто такой, осмелюсь спросить, – вмешался проф, – этот Майк?

Я пожал плечами:

– Да, собственно говоря, никто...

– Майк – лучший друг Манни. Он здорово рассчитывает шансы.

– Букмекер? Моя дорогая, если мы введем сюда четвертого, принцип трехчленных ячеек будет нарушен.

– Не понимаю почему, – сказала Вайо. – Майк мог бы стать членом ячейки, которую возглавит Манни.

– М-м-м... верно. Снимаю возражение. А он надежен? Вы за него ручаетесь? Как, Манни?

– Это бесчестный инфантильный любитель розыгрышей, которого политика несколько не интересуется.

– Манни, я передам Майку твое мнение о нем. Профессор, он совсем не такой! И он нам нужен! По правде говоря, он мог бы стать нашим председателем, а мы – его подьячейкой. Исполнительной тройкой.

– Вайо, ты соображаешь, что говоришь? Может, у тебя кислородное голодание?

– Я-то о'кей, я же не нализалась так, как некоторые. Думай, Манни! Шевели мозгами!

– Должен признаться, – сказал проф, – что нахожу эти высказывания в высшей степени противоречивыми.

– Манни?

– Да ну тебя...

И мы, перебивая друг друга, рассказали профу о Майке, о том, как он «ожил», как получил имя, как познакомился с Вайо. Проф принял известие о появлении у компьютера самосознания куда спокойнее, чем я в свое время воспринял факт существования снега, когда впервые его увидел. Проф просто кивнул и сказал: «Ну-с, дальше». Потом спросил:

– Так, значит, это компьютер коменданта? Тогда почему бы вам не пригласить на наше заседание самого коменданта – на том бы и покончили?

Мы постарались разубедить его. В конце концов я сказал:

– Попробуйте посмотреть на дело так: Майк сам себе голова, в точности как вы, проф. Если угодно, назовите его разумным анархистом, ибо он разумен и не испытывает преданности ни к какому правительству.

– Если машина не верна своему хозяину, почему ты считаешь, что она будет верна нам?

– Я это чувствую. Я отношусь к Майку как к хорошему другу, и он отвечает мне тем же. – Я рассказал, какие меры предосторожности принял Майк, чтобы я не засветился. – Сомневаюсь, что он в принципе может выдать меня тому, у кого нет этих сигналов: одного для секретной телефонной линии, другого для извлечения информации, которую я передал ему на хранение. Машины думают иначе, чем люди. Но я абсолютно уверен, что ему бы не хотелось меня предать... и, возможно, он меня прикроет, даже если кто-нибудь раздобудет эти сигналы.

– Манни, а давай позвоним ему, – предложила Вайо. – После того как профессор де ла Пас поговорит с Майком, он поймет, почему мы ему доверяем. Профессор, мы не расскажем Майку никаких секретов, пока вы его не проверите.

– Что ж, вреда, я думаю, от этого не будет.

– Честно говоря, я уже передал ему кое-какие секреты, – признался я.

И рассказал о магнитной записи вчерашнего собрания и о том, куда ее засунул.

Проф был неприятно поражен, Вайо встревожилась. Я сказал:

– Спокойно. Никто, кроме меня, не знает команды для извлечения. Вайо, ты помнишь, как повел себя Майк, когда встал вопрос о твоих снимках? Он не покажет их теперь даже мне, хотя именно я предложил их заблокировать. Когда вы оба прекратите вибрировать, я позвоню ему, чтобы убедиться, что никто эту запись не вызывал, и попрошу ее стереть. Она исчезнет бесследно, ведь компьютер помнит все или ничего. А можно сделать еще лучше – переписать ее обратно на мой магнитофон, одновременно стирая из файла. Плевое же дело, ей-богу!

– Не суетись, – сказала Вайо. – Профессор, я верю Майку, и вы ему тоже поверите.

– По зрелом размышлении должен признать, что не вижу особого вреда от записи вчерашнего собрания, – сказал проф. – Такие большие митинги без шпиков не обходятся, и кто-нибудь из них запросто мог записать все на магнитофон. Меня огорчило твое легкомыслие, Мануэль, – недостаток, недопустимый для заговорщика, особенно стоящего во главе конспиративной организации.

– Когда я вводил запись в Майка, я не был заговорщиком. И не собираюсь им быть, если мне не докажут, что есть реальные шансы на победу.

– Беру свои слова обратно. Ты не был легкомыслен. Но неужели ты всерьез считаешь, что машина может предсказать исход революции?

– Не знаю.

– А я уверена, что может! – воскликнула Вайо.

– погоди, Вайо. Проф, Майк сможет предсказать ее исход, если у него будет достаточно информации.

– Вот и я о том же, Мануэль. Я несколько не сомневаюсь, что машина может решать проблемы, недоступные моему пониманию. Но чтоб такого масштаба! Для этого нужно знать... господи!.. да всю историю человечества, все детали общественной, политической и экономической ситуации на Земле и в Луне, учесть все психологические нюансы и технологические возможности, в том числе вооружение и коммуникации, надо разбираться в стратегии, тактике, технике агитпропа, знать труды классиков – Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли и многих других.

– И только-то?

– Только-то! Мой милый мальчик!

– Проф, сколько книжек по истории вы прочли?

– Не знаю. Более тысячи, вероятно.

– Майк может прочесть столько же еще до полудня: скорость чтения ограничена лишь техникой сканирования, сам он может накапливать информацию куда быстрее. Он в считанные минуты сопоставит любой факт со всеми другими известными ему данными, отметит противоречия и оценит вероятность развития процесса с учетом степени неопределенности. Проф, Майк читает каждое слово в каждой газете, выходящей на Земле. Читает все технические публикации. Читает художественную литературу, хоть и знает, что все это вымысел, так как постоянно стремится занять себя, удовлетворить свой информационный голод. Если есть хоть одна книга, которую надо прочесть для решения нашей задачи, скажите название. Он проглотит ее мгновенно, как только я ее принесу.

Проф поморгал:

– Поправка принята. Ладно, посмотрим, сможет ли он справиться с этой задачей. Я продолжаю верить в необходимость того, что называется интуицией и человеческим здравым смыслом.

– У Майка есть интуиция, – заявила Вайо. – Я бы даже сказала – женская интуиция.

– Что же касается «человеческого здравого смысла», – добавил я, – то Майк, конечно, не человек. Однако все его знания получены от людей. Познакомьтесь с ним и тогда решайте, есть ли у него здравый смысл.

Я набрал номер:

– Привет, Майк!

– Привет, Ман, мой единственный друг. Здравствуй, Вайо, моя единственная подруга. Я слышу, с вами есть кто-то третий. Судя по всему, это профессор Бернардо де ла Пас.

Проф оторопел, потом восхитился. Я сказал:

– Ты совершенно прав, Майк. Потому-то я тебе и звоню. Профессор – не-дурак.

– Спасибо тебе, Ман. Профессор Бернардо де ла Пас, я счастлив с вами познакомиться.

– Я тоже счастлив нашему знакомству, сэр! – Проф поколебался и продолжил: – Май... сеньор Холмс, могу ли я спросить, как вы узнали о моем присутствии?

– Извините, сэр, но я не могу ответить. Ман? «Вы знаете мои методы».

– Майк – хитрый малый, проф. Он не хочет раскрывать секреты, которые узнал, выполняя для меня конфиденциальную работу. Поэтому он намекнул мне, чтобы я вам внушил, будто он идентифицировал вас по звуку... А он и впрямь многое может узнать по дыханию и биению сердца – массу, примерный возраст, пол и даже кое-что о состоянии здоровья. Его медицинские архивы неисчерпаемы; впрочем, как и все остальные.

– Я рад отметить, – заявил Майк серьезно, – что не замечаю признаков сердечных и респираторных заболеваний, обычных для человека в возрасте профессора, который провел столько времени на Земле. Я могу поздравить вас, сэр.

– Благодарю вас, сеньор Холмс.

– Мне было приятно сообщить вам об этом, профессор Бернардо де ла Пас.

– Как только он идентифицировал вашу личность, он сразу узнал, сколько вам лет, когда вас сослали и за что, какие публикации появлялись о вас в «Лунатике», «Лунном свете» и прочих изданиях, взглянул на фотоснимки, проверил ваш банковский счет, узнал, аккуратно ли вы платите налоги, и так далее и тому подобное. На это ушли сотые доли секунды. Майк только не признался – информация была строго между нами, – что ему известно о моем намерении пригласить вас сюда, а стало быть, он догадался о вашем присутствии сразу, как услышал ваше дыхание и пульс. Майк, ни к чему постоянно повторять «профессор де ла Пас», достаточно будет простого «проф».

– Понятно, Ман. Но профессор обращался ко мне формально и в высшей степени вежливо.

– Значит, вам обоим надо расстегнуть воротнички. Проф, вы усекли? Майк многое знает, но далеко не обо всем болтает. Он умеет держать язык за зубами.

– Это впечатляет.

– Майк – самый настоящий умник-разумник, вы увидите. Майк, я заключил с профессором пари – три против двух, что «Янкиз» опять выиграют чемпионат. Какие у меня шансы?

– Мне очень жаль, Ман. До завершения чемпионата еще далеко, но, судя по результативности команд и игроков, шансы один к четырем, запятая, семьдесят не в твою пользу.

– Неужто так плохо?

– Очень сожалею, Ман. Могу распечатать расчет, если угодно. Но я посоветовал бы тебе дать отступного. У «Янкиз» высокая вероятность на победу в матче с отдельно взятой командой... но шансов на победу над всеми клубами лиги, если учесть еще такие факторы, как погода, несчастные случаи и другие переменные предстоящего сезона, у них не больше, чем я сказал.

– Проф, хотите взять отступного?

– Разумеется, Мануэль.

– Ваша цена?

– Три сотни гонконгских долларов.

– Ах вы старый грабитель!

– Мануэль, как твой бывший учитель, я не могу лишиться тебя возможности учиться на собственных ошибках. Сеньор Холмс... Майк, друг мой... Вы позволите называть вас другом?

– Сделайте одолжение! – Майк чуть не мурлыкал.

– Майк, амиго, а вы не следите за скачками?

– Бывает, что считаю шансы, и нередко. Программисты из гражданской службы дают задания. Но результаты так часто расходятся с прогнозами, что либо мне дают слишком неполные исходные данные, либо лошади или жокеи играют нечестно. Возможно, действуют сразу все три фактора. Однако я могу предложить вам формулу, благодаря которой скачки будут приносить вам верный доход, если играть регулярно.

– И какова же эта формула? Можно узнать? – нетерпеливо спросил проф.

– Можно. Делайте ставки на учеников ведущих жокеев. Они обычно мало весят и получают хороших лошадей. Но не ставьте все сразу – могут быть проколы.

– Ученик ведущего... хм... Мануэль, у тебя часы точные?

– Проф, чего вы хотите? Сделать ставку ни свет ни заря? Или выяснить то, о чем мы говорили?

– Ох, извини... пожалуйста, продолжайте. Ведущий ученик...

– Майк, я дал тебе вчера вечером магнитную запись. – Я наклонился к микрофону и прошептал: – «День взятия Бастилии».

– Помню, Ман.

– Ты обдумал ее?

– Со всех сторон. Вайо, ты говорила очень впечатляюще.

– Спасибо, Майк.

– Проф, вы можете на время отвлечься от лошадей?

– А? Конечно... я весь обратился в слух.

– Тогда прекратите бормотать себе под нос варианты ставок. Майк просчитает вам их куда быстрее.

– Я думал о деле: финансирование... совместных предприятий вроде нашего всегда дается с трудом. Но это можно и отложить. Я весь внимание.

– Я хочу, чтобы Майк сделал пробный прогноз. Майк, в той записи Вайо говорила о необходимости свободной торговли с Террой. Проф же предложил вообще наложить эмбарго на отправку продовольствия Терре. Кто из них прав?

– Вопрос сформулирован некорректно, Ман.

– Что я упустил?

– Можно я поставлю его иначе?

– Конечно. Изложи свои аргументы.

– В ближайшем будущем предложение Вайо сулит обитателям Луны солидные барыши. Цена продовольствия у входа катапульты возрастает минимум в четыре раза. При этом учтен и незначительный рост оптовых цен на Терре – незначительный потому, что Администрация и сейчас продает продукты по цене, близкой к свободной рыночной. Я не стал учитывать субсидирование продовольствия, продажу его по демпинговым ценам и бесплатную раздачу, так как все это возможно лишь благодаря колоссальным доходам, связанным с искусственно заниженной ценой у входа катапульты. Не стану говорить и о более мелких переменных, они слишком незначительны. Ограничусь утверждением, что непосредственным эффектом будет повышение цены примерно в четыре раза.

– Вы слышите, профессор!

– Но, дорогая леди, с этим я и не спорил!

– Доходы у производителей продовольствия вырастут более чем в четыре раза, потому что, как указала Вайо, сейчас они вынуждены покупать воду и другие товары по искусственно завышенным ценам. Введение свободных рыночных цен, по идее, должно бы увеличить доходы производителей в шесть раз, но фактический рост будет меньше из-за влияния других факторов: повышение цен на экспортируемые товары приведет к росту цен на все, что потребляется в Луне, – как на товары, так и на труд. И все же общий уровень жизни повысится примерно вдвое. Это будет сопровождаться оживленным строительством новых сельхозтуннелей, увеличением добычи льда, внедрением новых аграрных методов, что опять-таки увеличит экспорт. Однако рынок Терры так велик, а нехватка продовольствия носит столь хронический характер, что уменьшение прибыли, вызванное ростом экспорта, не станет ведущим фактором.

Проф перебил его:

– Но, сеньор Майк, все это лишь приблизит день, когда ресурсы Луны окончательно истощатся.

– Я предупредил, что прогноз краткосрочный, сеньор профессор. Могу ли я изложить долгосрочный прогноз, сделанный на основе ваших замечаний?

– Всенепременно!

– Масса Луны составляет приблизительно семь, запятая, тридцать шесть на десять в девятнадцатой степени тонн. Если принять численность населения Терры и Луны и прочие переменные за константу и учесть постоянный рост экспорта, то пройдет семь, запятая, трид-

цать шесть на десять в двенадцатой степени лет, прежде чем будет израсходован один процент массы Луны. Иначе говоря, около семи тысяч миллиардов лет.

– Что? Вы в этом уверены?

– Сделайте одолжение, профессор, проверьте сами.

– Майк, – сказал я, – это шутка? Если да, то она не смешна даже по первому разу.

– Как бы там ни было, – пришел в себя проф, – мы экспортируем не лунную кору. Мы экспортируем нашу жизнь – воду и органику. А не горные породы.

– Я это учел, профессор. Прогноз основан на возможностях контролируемой трансмутации – то есть превращения одного изотопа в другой при условии эндотермичности реакций. Вывозиться будут именно горные породы, трансформированные в пшеницу, мясо и другие виды продовольствия.

– Но мы не умеем этого делать! Амиго, это нелепо!

– Ничего, когда-нибудь научимся.

– Майк прав, профессор, – вмешался я. – Сегодня мы и впрямь не умеем, но это вопрос времени. Майк, ты не подсчитал, сколько лет нам потребуется? Хорошо бы иметь в заачке такой козырь.

Майк печально ответил:

– Ман, мой единственный друг, если не считать профессора, который, как я надеюсь, тоже станет моим другом, я пытался подсчитать, но мне это не удалось. Вопрос поставлен некорректно.

– Почему?

– Потому что тут требуется гигантский теоретический прорыв. Моя информация не дает возможности прогнозировать место и время рождения гения.

Проф вздохнул:

– Майк, амиго, я даже не знаю, что чувствовать – разочарование или облегчение. Выходит, этот прогноз практически ничего не значит?

– Как это не значит?! Очень даже значит! – вскричала Вайо. – Мы обязательно найдем решение, когда приспичит! Скажи ему, Майк!

– Вайо, мне очень жаль. Хотел бы я обладать твоей уверенностью. Но ответ будет прежним: где и когда появится гений, мне неизвестно. Увы. Очень сожалею.

– Но тогда, – сказал я, – проф был прав? Если вернуться к нашим шансам?

– Одну минуту, Ман. Есть еще одно решение, предложенное профессором: возвратные поставки с Терры, тонна за тонну.

– Да, но это неосуществимо!

– Если транспортировка будет достаточно дешевой, земляне согласятся. Решение требует небольших технических новшеств, теоретического прорыва не нужно. Просто грузовые поставки с Терры должны стать такими же дешевыми, как катапультирование грузов с Луны.

– И ты называешь это небольшим новшеством?

– Я назвал его небольшим в сравнении с другими проблемами, Ман.

– Майк, дорогой, а сколько времени на это нужно? Долго придется ждать?

– Вайо, по самым грубым подсчетам, основанным скорее на интуиции, чем на информации, понадобится где-то порядка пятидесяти лет.

– Около пятидесяти лет? Так это же пустяк! Значит, у нас будет свободная торговля!

– Вайо, я сказал «порядка», а не «около пятидесяти лет».

– А какая разница?

– Разница большая, – вмешался я. – Майк имел в виду, что не ждет этого раньше чем через пять лет, но будет удивлен, если понадобится более пятисот. Так, Майк?

– Верно, Ман.

– Значит, нам нужен еще один прогноз. Проф сказал, что мы вывозим воду и органику и не получаем их обратно. Ты согласна, Вайо?

– Да, конечно! Только я не думаю, что эта проблема так неотложна. Когда придет время, мы ее решим.

– О'кей, Майк, у нас нет ни дешевого транспорта, ни трансмутации. Через сколько лет начнутся неприятности?

– Через семь лет.

– Семь лет! – Вайо вскочила, в полном изумлении глядя на телефон. – Майк, милый! Не может быть, чтобы ты говорил серьезно!

– Вайо, – вздохнул он печально. – Я очень старался. В этой задаче бесконечно большое число переменных. Я перепробовал несколько тысяч вариантов решения, исходя из разных предпосылок. Самый оптимистичный ответ получился при допущении, что поставки на Терру не увеличатся ни на грамм, что численность населения Луны перестанет расти благодаря введению жестких мер ограничения рождаемости и что одновременно развернутся активные поиски льда, чтобы поддержать нужный уровень водоснабжения. При таких условиях запас времени будет чуть больше двадцати лет. Остальные прогнозы куда хуже.

Вайо, придя в себя, спросила:

– Что же произойдет через семь лет?

– Этот срок я получил, взяв за основу нынешнюю ситуацию и предположив, что Администрация не изменит свою политику; все главные переменные экстраполированы, исходя из их прошлой динамики. Судя по доступным данным, это наиболее вероятный ответ. В две тысячи восемьдесят втором году начнутся первые голодные бунты. Канныализм вряд ли возникнет раньше чем через два года после этого срока.

– Канныализм! – Вайо отвернулась и спрятала лицо на груди проффа.

Он похлопал ее по спине и мягко сказал:

– Мне очень жаль, Вайо. Люди не имеют представления о том, как хрупка наша экология. Однако даже меня это потрясает. Мне, конечно, известно, что вода всегда бежит вниз по склону, но я никак не думал, что мы с такой ужасающей скоростью приближаемся ко дну пропасти.

Вайо выпрямилась, лицо ее было спокойно.

– О'кей, профессор, я ошибалась. Эмбарго необходимо, равно как и все с ним связанное. Перейдем к делу. Давайте спросим у Майка, каковы наши шансы. Теперь вы верите ему, не так ли?

– Да, дорогая леди. Верю. Мы должны привлечь его на свою сторону. Ну, Мануэль...

Потребовалось немало времени, чтобы убедить Майка в нашей полной серьезности, заставить его понять, что «шуточки» могут нас погубить (это очень трудно усвоить машине, которая не представляет себе, что такое смерть), и получить заверение, что он может и будет хранить секреты, какие бы программы поиска информации к нему ни применили, – даже если сигналы будут наши собственные, но не от нас. Майка обидели мои сомнения, но дело было слишком серьезное, чтобы рисковать из-за какой-нибудь оплошности.

Около двух часов ушло на программирование и пересмотр программ, на выбор предпосылок и разбор вытекающих из них проблем, пока наконец все четверо – Майк, проф, Вайо и я – не удовлетворились тем, что нам удалось сформулировать. А именно: какие шансы на успех имеет революция – вот эта революция, возглавляемая нами, – если мы хотим не допустить голодных бунтов, собираемся сражаться с Администрацией голыми руками, а против нас все могущество Терры и ее одиннадцати миллиардов жителей, готовых нас раздавить и подчинить своей воле. И при условии, что никакой фокусник не вытащит для нас из шляпы кролика, что никуда нам не деться от предательства, людской глупости и малодушия и что сами мы отнюдь не гении и не играем никакой существенной роли в жизни Луны. Проф убедился, что Майк

знает историю, психологию, экономику и так далее. Под конец Майк сильно обскакал профа по количеству предложенных переменных. Наконец решили, что программа готова и что мы не в состоянии придумать еще один более или менее существенный фактор.

Тогда Майк сказал:

– Проблема слишком неопределенна. Как я должен ее решить? Пессимистически? Оптимистически? Или в виде диапазона вероятностей, описываемого кривой или несколькими кривыми? Что скажете, профессор, мой друг?

– Мануэль?

– Майк, – сказал я, – когда я бросаю игральную кость, то один шанс из шести за то, что выпадет единица. Я не прошу владельца лавочки проверить кость на плавучесть, не измеряю ее кронциркулем, не беспокоюсь о том, что кто-то может на нее дунуть. Не надо нам ни оптимистических, ни пессимистических подходов, не надо нам никаких кривых. Скажи нам одной фразой: каковы шансы. Равные? Один на тысячу? Никаких?

– Да, Мануэль Гарсия О’Келли, мой первый друг.

В течение тринадцати с половиной минут не было слышно ни звука. Вайо чуть не сгрызла себе костяшки пальцев. Никогда я еще не видел, чтобы Майку для расчетов потребовалось столько времени. Надо думать, он сверялся с каждой книгой, которую прочел, и перетряхнул все наборы случайных чисел. Я уже стал подозревать, что у него перегрузка и либо что-нибудь сгорело, либо случился кибернетический нервный срыв, требующий компьютерного аналога лоботомии, чтобы прекратить осцилляцию.

Наконец Майк заговорил:

– Ман, мой друг, я страшно сожалею.

– Что случилось, Майк?

– Я проделал расчет несколько раз, проверял и перепроверял. Шанс на победу всего лишь один к семи.

Глава 7

Я поглядел на Вайо, она на меня; мы громко расхохотались. Я вскочил и заорал: «Ура!» Вайо разрыдалась, обняла проффа и принялась его целовать. Майк грустно сказал:

– Я не понимаю. Шансы семь к одному против нас. Не за нас.

Вайо прекратила слюнявить профессора и вскрикнула:

– Ты слышишь! Майк сказал «нас». Он включил и себя.

– Еще бы! Майк, старичок, мы все понимаем. Но знаешь ли ты хоть одного лунаря, который отказался бы поставить на такой роскошный шанс – один к семи?!

– Я знаю только вас троих. Данных, чтобы построить кривую, недостаточно.

– Что ж... мы лунари. А лунари – народ азартный. Тут поневоле станешь азартным, черт побери! Нас выперли сюда и заключили пари, что мы подохнем. А мы их обхитрили. И снова оставим их в дураках! Вайо! Где твоя сумочка? Давай сюда красный колпак! Надень на Майка. Поцелуй его. И примем по граммулечке. Налей Майку тоже – хочешь выпить, Майк?

– Я бы с удовольствием выпил, – с завистью отозвался Майк, – поскольку неоднократно размышлял над проблемой воздействия этилового спирта на нервную систему человека. Очевидно, оно аналогично легкому повышению вольтажа. Но поскольку я пить не могу, выпейте за меня кто-нибудь.

– Программа принята. Поехали. Вайо, где колпак?

Телефон был заподлицо со стеной – вделан прямо в скалу, так что напялить на него колпак не удалось. Мы водрузили колпак на полку, заменявшую письменный стол, и произнесли в честь Майка тост, и назвали его «камад», и он чуть было не прослезился. Во всяком случае, голос у него дрогнул. Затем Вайо схватила «колпак свободы», надела его на меня и поцелуем посвятила, на сей раз уже официально, в подпольщики, причем с такой страстью, что моя старшая жена при виде этого зрелища хлопнулась бы в обморок. Затем Вайо нахлобучила колпак на проффа, повторив с ним ту же процедуру, – я порадовался, что с сердцем у него, по словам Майка, все о'кей.

После этого Вайо надела колпак на себя, подошла к телефону, наклонилась и, приблизив губы к промежутку между микрофонами, послала несколько громких воздушных поцелуев:

– Это тебе, Майк, мой дорогой камад! А Мишель тут?

И будь я проклят, если ей тут же не ответило нежнейшее сопрано:

– Я здесь, милочка! И я *та-ак* счастлива!

Тогда поцелуй получила и Мишель, а мне пришлось объяснить проффу, кто она такая, и представить его. Он был необычайно вежлив, громко втягивал воздух сквозь зубы, свистел и хлопал в ладоши – иногда мне кажется, что профф все-таки немного с приветом.

Вайо разлила водку. Профф подхватил стаканы, подлил в наши кофе, а в ее – чай и всем набухал меда.

– Мы объявили революцию, – сказал он твердо. – Теперь мы начнем ее творить. На трезвую голову. Мануэль, тебя избрали председателем. Начнем?

– Председателем будет Майк, – ответил я. – Это очевидно. И он же будет секретарем. Мы не станем держать ни единого клочка исписанной бумаги – это первое правило конспирации. С Майком нам бумага не нужна. Давай все обсудим и решим, на каком мы свете; я ведь в этих делах новичок.

– Кстати, – сказал профф, – к вопросу о конспирации. Тайна Майка должна оставаться в пределах этой ячейки. Круг допущенных лиц может быть расширен лишь при единогласном одобрении все троих... поправка: всех четверых.

– Какая тайна? – спросила Вайо. – Майк согласился хранить все наши секреты. Он более надежен, чем мы. Ему нельзя промыть мозги. Верно ведь, Майк, милый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.